

Независимое общезельфийское издание
журнал «Альфирин»

№10 осень 2011 г.

ТЕМЫ НОМЕРА:

*Исследования: О маленьких фэйри,
Образы эльфов в произведениях разных авторов
История: Языки в творчестве Дж. Р. Толкина,*

Путешествие в мифологию

Заметки на полях: Эльфы и этнография

Проза: Рассказ

Поэзия: Стихотворения на русском и синдарин

В глубине души: По жизни или по Толкину?

Версия: Следы нолдор в легендах

*Юмор: Записки эльфа-шовиниста, найденные на раскопках
Дориата*

Анонс следующего номера:

*Продолжение литературоведческого исследования - Алке
"Эльфы в именах" - Aurin Thelassiel
"Зарисовки настроений" - Лайкалассэ
"Музыка фэйри" - Андрей Чернов
Интервью с А. Грином - Лайкалассэ*

Наши координаты:

Сайт: <http://alfirin.ru>

Обсудить материалы номера,

**пообщаться с авторами можно на нашем [форуме](#)
Адрес для отправки материалов: laikanare@yandex.ru**

оглавление

ALFIRIN

События

Коллектив редакции:

<i>Главный редактор</i>	Aurin Thelassiel
<i>Редактор отдела "Культура"</i>	Glорidhel Serinde
<i>Редактор отдела "Критика"</i>	Irien
<i>Редактор отдела "История"</i>	Idis
<i>Редактор отдела "Версия"</i>	Irvin
<i>Редактор отдела "Проза, поэзия"</i>	Aurin
<i>Редактор отдела "Исследования"</i>	Daere Idren

В этом номере Альфирина опубликован ряд материалов, отражающих различные точки зрения как на само понятие "эльф", так и на направления исследований в этой области: история, мифология, мистическая традиция, этнография...

Редакция журнала планирует регулярно публиковать подобные статьи различной направленности на данную тему. Каждый читатель может выбрать тот вариант исследований, который ему ближе, интереснее или кажется наиболее верным.

"Альфирин" предоставляет возможность высказаться всем авторам, пишущим по теме "эльфы". Однако редакции важно выяснить и приоритетное направление, наиболее интересное большинству читателей. С этой целью в журнале появилась возможность "рекомендовать" материал в режиме сайта.

Ваши рекомендации также помогут оценить работу авторов, определить самых популярных из них и будут способствовать дальнейшему развитию нашего издания с учётом интересов аудитории.

Те читатели, которые сочтут нужным не только проголосовать за материал, но и выразить своё мнение более полно, могут оставлять свои отзывы на форуме в соответствующей теме.

Редакция выражает персональную благодарность Алке как за серию статей, так и за помощь: за работу с материалами 10-го номера на предмет стилистической и корректорской правки и финальной проверки.

С уважением,
Коллектив редакции

Glорidhel Serinde

["Эльфы по жизни и эльфы по Толкиену"](#)

Алке

[Вторая статья из серии "Образы эльфов в русскоязычной литературе"](#)

Aurin Thelassiel

["Тропой Калевалы"](#)

Риссэ Ломелэль Ангатинвэ

["Следы нолдор в человеческих мифологиях"](#)

Aurin Thelassiel

["Причуды мифологии"](#)

Андрей Чернов

["Один аспект элементарного бытия"](#)

Tolven

["Эльфы в зеркале этнографии"](#)

Алексей Ильинов

["Пасха на Кэр-Дэвайе"](#)

Кумехтар

["Застывают капли ночи..."](#)

Aurin Thelassiel

["Giril lass laeg"](#)

Hiralan

["Ирония любви или Здравствуй, Мандос"](#)

То, что было давно-давно, еще до начала человеческой летописи, скрыто от нас завесой тайн и загадок.

Все, что мы имеем сейчас, – это лишь наши предположения, основанные на столь условных источниках, что любому ученому мужу, серьезно занимающемуся изучением истории, было бы смешным видеть нашу тщательно собираемую, оберегаемую летопись.

Каждая страница ее – это лишь миф для людей.

На чем базируются наши знания? На довольно-таки скромных артефактах, на сказках и преданиях самих людей, да на наших воспоминаниях. А они вообще не являются сколько-нибудь научным доказательством. Всего этого не достаточно, чтобы мы могли заявить во всеулышание, что мы были, есть и будем! Для нас же достаточно осознания того, что мы есть!

Но почему многим из нас так хочется искать эти доказательства? Наверное, потому, что мы не «Иваны, родства не помнящие». Мы хотим гордиться собой, своим прошлым, настоящим, и очень хотим гордиться своим будущим. Я говорю сейчас "мы", потому что нас много, и мы, до хрипоты споря на форумах, показываем сами себе, что тема нашего прошлого важна, нужна нам и задевает за живое...

Но сначала надо определиться, для кого мы собираем свою историю по кусочкам? Для остального мира или для себя? Лично я уже ответила себе на этот вопрос – для себя! Для своих детей, своих родичей....

Я хочу, чтобы мои дети, мои родные и близкие смогли сберечь самобытность и уникальность культурного наследия нашего народа, которую мы имеем на данный момент. Я считаю, что у нас не так уж и много этого наследия. Но то, что имеем мы уже сейчас, необходимо беречь. И если удастся хоть на

йоту продвинуться в приоткрытии завесы прошлого – это большая удача!

Когда меня спрашивают, рассматриваю ли я работы Толкина (в частности «Сильмариллион»), как своеобразную летопись, я отвечаю, что нет. «Сильмариллион» и «Властелин Колец», по моему мнению, лишь вольная трактовка предполагаемой истории квенди, которую автор использовал, чтобы

выстроить единую сюжетную линию.

Толкин, как я считаю, трактовал те знания о нашем народе, которые имел, как удобно было ему, чтобы создать литературный шедевр. Но он не ставил, я полагаю, своей задачей создание научной работы по истории эльфов. Ни «Сильмариллион», ни тем более «Властелин Колец» не являются, по моему мнению, учебниками истории квенди.

Слепое следование этим источникам в определении того, кто мы есть, - неправильный и ненаучный подход, который не раскроет нам прошлое, а только заставит блуждать в тумане сомнений, непонимания и раздоров.

Изучать историю по литературным источникам так же неправильно, как писать рецензию на литературное произведение, не читая его, а опираясь только на чужое мнение.

Отношение современных эльфов к работам Толкина неоднозначное. Есть эльфы, которые считают работы Толкина вполне достоверными источниками, на которые можно и нужно опираться в любом споре или при написании работы, претендующей на статус научной. Есть такие, кто работы Профессора считают лишь литературными произведениями, основанными на отрывочных и не всегда полных сведениях по истории эльфов.

Поэтому для себя я определила и приняла факт существования двух условных групп современных эльфов: которые «по Толкину», и которые «по жизни».

Впрочем, признаюсь, эта идея деления по группам не моя. Автор мне не известен. Но подобный подход к пониманию проблем взаимоотношений (а они есть) между двумя этими группами облегчает, в некотором смысле, не столько жизнь, сколько упрощает общение.

В этой небольшой работе я попытаюсь охарактеризовать эти две условные группы согласно моим выводам, которые я сделала после многолетних наблюдений, общения как на эльфийских форумах, так и в реальной жизни с теми, кто является и считает себя принадлежащим к народу квенди.

Продолжение. [Начало в №9](#)

Грин. «Тропа в Огнеморье»

1.

Спустя много тысячелетий после великой катастрофы на Земле, когда ныне существующие материки представляются жителям не более чем забытой сказкой, живут рядом расы людей и нелюдей. Мир, где фантастика, миф и научные гипотезы переплетаются, открывается читателю в «Тропе в Огнеморье» Алекса Грина. И в его книге тоже есть персонажи-эльфы.

В фэнтези зачастую изображается мир, заведомо фантастический, параллельный, сказочный. В «Тропе в Огнеморье» это мир будущего реальной Земли. Но насколько реалистичны его жители?

2.

В романе видна связь как с библейской мифологией, так и с другими мифами.

Персонажи обращаются к сверхсуществу, но это не христианский Бог, а Богиня. А.Грин в «Цивилизации эльфов» писал о Пресветлой Богине, но интересен момент, почему этот (или, вероятно, очень похожий культ) возродился после катастрофы Земли, спустя тысячелетия?

Легенда о братьях-близнецах, рассказанная в «Саге о фазтане», древней книге Огнеморья, напоминает библейский миф о Каине и Авеле, однако с иным поворотом событий. Эльф растет жизнерадостным и талантливым, Альп – угрюмым. Более того, Эльф не стареет. И тогда Альп, одолеваемый завистью и отчаянием, становится

вампиrom. Богиня предлагает Эльфу убить брата, чтобы вампир не привел в этот мир расу чудовищ. Но Эльф не слушает Ее и хоронит вместо Альпа бродягу, умершего от холодов.

«Род человеческий погряз в грехе», и ради спасения людей призываются в мир совершенные эльфы, которые должны увлечь прочие племена на Путь Великого Совершенства. («Тропа в Огнеморье»). Действительно, учение Эльфа несет Свет, «оно и впрямь творило чудеса. И давало ответы на труднейшие из вопросов... В чем причина страданий? В грехе. Но что есть грех? Несовершенство. Встань на Путь Совершенства, и ты избавишься от страданий, ибо избавишься от греха...» («Тропа в Огнеморье»).

И все же несет это учение Свет не всем. «Но кто был более совершенен, нежели Эльф? (...) Добро или Зло совершил он, отпустив брата? Отпустив брата-вампира в далекую Дарханию, чтобы создал он там первое в Огнеморье вампирье гнездо?» («Тропа в Огнеморье».) Эльф говорит, что он совершенен и

грешен как никто другой.

Эльф и Альп – братья-близнецы, и это не случайно. А.Грин указывает на происхождение слов: эльф и альп восходят к одним и тем же эльвам-альбам.

Род эльфов и род вампиров – то, что может вести за собой, доминирующее (возникает учение эльфов и учение альпов-вампиров). Люди и гномы в Огнеморье не имеют такой духовной власти, хотя активно действуют. И эльфы, и вампиры могут «очаровывать» и подчинять себе людей, но эльфы «отчуждаются», предоставляя людям самим решать свои проблемы (из-за чего возникло непонимание их людьми), а вампиры помогают людям: дарят им покой и сытую жизнь, но... в обмен на кровь немногих. Очарованные лемарионцы, впрочем, охотно жертвуют собой во имя благополучия большинства.

Так общество, где эльфы «уходят», а властвуют лучшие из вампиров (худшие поступают еще более жестоко, сея только смерть и разорение), приобретает специфические черты...

В [прошлом номере](#) «Альфирина» было подробно рассмотрено как повальное увлечение изобретением новых языков в начале прошлого века, так и ситуация с образованием государственных языков на основе разрозненных диалектов.

Увлечение Профессора Толкина финским языком общеизвестно, а количество заимствований в Квенья и Синдарин из финского подсчитаны лингвистами. Напомню: сами финские лингвисты настаивают на почти полусотне только прямых заимствований, не считая этимологически родственных слов. Но какой язык на самом деле изучал Профессор Толкин, будучи студентом школы короля Эдварда? Для того, чтобы понимать всю условность заявления «Толкин учил финский», следует начать с истории зарождения этого языка как литературного, деятельности выдающегося финна Элиаса Лённрота, а заодно попытаться выяснить, что за литература на "финском" имела в распоряжении одной из Оксфордских школ в бытность Профессора одним из учащихся. Кто такие квенны? Откуда взялось название "квенья"? И почему так много "fin"-ов в "мифологии для Англии"?

Политическая лингвистика

Если обращаться к истокам лингвистики, то становится ясно, что изначально изучались лишь родные языки, а это было тесно связано с государственной политикой: есть государство и язык - есть лингвистика, ну а нет - значит, и нет. Языки развивались: какие-то делились вместе с разделением народа-носителя языка и становились обособленными, некоторые стирались из памяти вместе с народами (примеры мёртвых языков всем известны).

История финского языка - политический детектив. Если то, что будет написано ниже, дать

прочитать лингвистам, то они согласятся с фактами. Если рискнуть и предложить исторический обзор финнам (даже некоторым лингвистам и историкам) - они возмутятся.

Разница возникнет не в виду фактов, а из-за отношения к ним. Для одних эти факты - просто история, для других - вопрос национального самосознания. В угоду и благодаря проводимой политике, финны даже своего выдающегося соотечественника Элиаса Лённрота, того, кому они обязаны государственным языком, низвели до положения простого путешественника, который всего-то и сделал, что собрал воедино их народный эпос «Калевалу», ну и ещё... разве что словарь составил...

Однако между Лённротом и упомянутым в начале Толкином, на самом деле, гораздо больше общего в творчестве, чем любовь к финскому языку и работа над словарями.

Почём эпос для народа?

В 1835-м году в Финляндии вышел маленький сборник народных песен. В книге было 32 песни - руны, как называл их составитель Элиас Лённрот. Книжечка имела заглавие: "Калевала, или **старые руны Карелии** о древних временах финского народа". Тираж ее был 500 экземпляров. Этот «народный эпос» не был случайно обнаружен в какой-нибудь старой библиотеке: его истинным родителем являлся его составитель, финн по национальности и врач по образованию. Финский в то время не существовал как единый язык. Более того, он был языком крестьян и отличался от одного района Финляндии к другому, ввиду того, что представлял из себя диалекты без базового ядра. Языком науки и образования, а также «языком горожан» был шведский. Элиас Лённрот, как и все прочие финны, должен был учить шведский, когда пошёл в школу, чтобы понимать учителей. Преподавание велось только на шведском.

Конечно же, в мире лингвистики знали о том, что финские крестьяне говорят на другом, не шведском языке, и финский пытались сравнить с иными наречиями, искали родственные ему среди древних и более новых языков. На фоне развития науки это было естественным. Особой популярностью пользовались

Следы нолдор в человеческих мифологиях

Сейчас уже довольно сказано о том, какое наследие в памяти нынешних людей оставили тэлери. Те средневековые народы эльфов, которых восходят к этой ветке, уже разобраны досконально до меня. Мне же хочется поговорить о тех племенах «волшебного народа», в которых я предполагаю потомков нолдор. Если верить Толкину как источнику, то такой поиск бесполезен, так как все нолдор ещё в первые эпохи погибли или ушли за Море. Однако, мнение Толкина - это лишь его мнение, а вот наличие довольно большого количества нолдор сейчас среди нас – факт. А значит, не всё так просто, и где-то в мире нолдорская кровь должна была быть и достаточно недавно, раз она способна сказаться в нынешних эльфинитах. Раз так, то носители этой крови просто не могли не найти отражения в чьих-либо легендах. Поиском этих отражений (искажённых и не очень) я и хочу попробовать заняться в меру своих сил. Пока я могу выявить следующие легендарные народы предположительно нолдорского корня:

1. Свартальфар, «Тёмные альвы» скандинавской мифологии.

Сразу оговорюсь, что не верно путать цвергов (гномов, карликов) и свартальфар. В Эддах – как Старшей, так и Младшей – *нигде* не употребляются эти названия как синонимы. Оба народа живут в горах в тесном соседстве, оба искусны в ремёслах (и порой в этом друг с другом конкурируют), но не более того. В Старшей Эдде есть слова:

*Солнцем люди зовут,
а боги – Светилом,
Друг Двалина – карлики,
турсы – Пылающим,
Ободом – альвы
и асы – Пресветлым (с)Речи Альвиса*

Как видите, два племени упоминаются по отдельности. Цвергам нигде родство альвам, ни Светлым, ни Тёмным, не приписывается, они совершенно отдельный народ.

В легендах говорится, что все свартальфар безобразны. Но для правильного понимания этой характеристики стоит обратиться к представлениям о красоте, которые были приняты у древних скандинавов. А эти представления были довольно просты и однозначны: чем белее кожа, светлее волосы и глаза, тем человек красивее. То есть ужасно «безобразными» для скандинава должны были показаться существа с чёрными глазами и волосами, возможно довольно смуглые. Смуглость же, темноглазость и темноволосость и поныне нередко встречаются среди нолдор, и раньше встречались (чего нельзя сказать о других эльфийских народах). Об альвах же сказано в Младшей Эдде.

Светлые альвы обликом своим прекраснее солнца, а темные – чернее смолы (с)О главных жилищах богов

Кстати, хромой кузнец Вёлунд, в некоторых источниках тоже причисленный к тёмным альвам, описан вполне «человекообразным» и даже красивым (по крайней мере, ему удаётся очаровать дочь своего пленителя), но – черноволосым...

Итого, что мы имеем в сумме? Некий народ альвов, живущий в горах или же под горами, склонный иметь тёмные глаза и волосы, любящий ремесленный (прежде всего горный и кузнечный) труд и искусный в нём... Узнаёте? Вот и я о том же (1). Кстати, множественное число «альфар» образовано от слова «альв» почти как в квэнья...

2. Чудь или «дивьи люди» уральских сказаний

По легенде, чудь обитала под уральскими горами (являясь одновременно их хозяевами и хранителями) (2). В книге «Легенды Южного Урала» об этом племени сказано так:

Якобы жил на Урале народ с темной кожей, статный, красивый и мудрый, владевший тайными знаниями и сверхъестественными способностями (с)Легенды Южного Урала (2009 г.)

О них же:

Говорят, что чудь («дивьи люди», сирити) устроила целые подземные города, в которых до сих пор обитают представители некогда могущественного народа(с) Подземный мир Урала (2008 г.)

По описанию внешности, образа жизни и цивилизации дивьи люди практически ничем не отличались от скандинавских свартальфар (2). А потому комментарии излишни: они уже даны по поводу тёмных альвов. О чудии можно сказать всё то же самое. Если же вспомнить, что именно близь Урала (Мглистого Хребта) дольше всего сохранялись осколки нолдорской культуры – Эрегион, Ривендейл – то всё становится ясно (3).

Таков мой взгляд на то, в каких фольклорных образах людям мог запомниться народ нолдор. Разумеется, этот взгляд не полон, изучить фольклор всех народов мира невозможно. Это лишь то немногое, что известно мне. И разумеется, эти образы могут во многом быть искажены фольклорным восприятием и в чём-то не совпадать с тем, что было реально. Но с этого ракурса посмотреть на историю нолдор тоже, думаю, стоит. Тем более что и было это не так давно: каких-то пятьсот или тысячу лет назад. Надеюсь, что кому-то из ныне пробуждённых или пробуждающихся нолдор это будет полезно.

*Риссэ Ломелэль Ангатиновэ,
прозванная Анкалимэ*

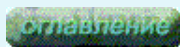
Рекомендовать

[Оставить комментарий](#)

(1) *Льесальфар же – белокурых, практически не имевших контакта с людьми, наиболее близких богам и хранящих великое знание – в таком случае можно соотнести с ваниар... Но об этом – когда-нибудь в другой раз. Сейчас речь не о них.*

(2) *Именно легенды о чудии стали материалом для сказа Бажова о Хозяйке Медной Горы.*

(3) *Кстати, именно там, на Урале, в некоторых деревнях вплоть до революции сохранялось почтительное отношение как к чудии, так и к народу "навь" (местному аналогу цвергов).*

М. Мелетинский в своей работе "Поэтика мифа" говорит следующее: "Основные ступени процесса трансформации мифа в сказку - деритуализация и десакрализация, ослабление строгой веры в истинность мифических событий, развитие сознательной выдумки, потеря этнографической конкретности, замена мифических героев обыкновенными людьми, мифического времени - сказочно-неопределенным, ... перенесение внимания с коллективных судеб на индивидуальные, ... с чем связано появление ряда новых сюжетов и некоторых структурных ограничений". В той же работе Мелетинский еще раз подчеркивает, что "...десакрализация - важнейший стимул для превращения мифа в сказку".

В самых ранних германо-скандинавских источниках упоминаются лишь светлые альвы, живущие на земле как и люди, и в стране альвов, которая также описывается как реально существующая. Далее в скандинавской мифологии появляются сведения о двух типах эльфов: светлых-верхних и темных-нижних. Только в позднем фольклоре темные «свартальвы» сливаются в описаниях с гномами – подземными карликами. Таково закономерное развитие мифа, который проходит долгий путь от истории к преданию и далее – к сказке. Именно с указанного момента слияния понятий название «эльф» становится несколько расплывчатым и обобщающим для существ различного вида и природы. Но нигде количество обобщений и трансформаций не достигло такого поистине огромного размера и не приобрело столь причудливые формы, как в Англии во времена позднего мифотворчества.

Зачем эльфу крылья

В свое время Британские острова были ничуть не

меньшим плавильным котлом народов, чем впоследствии стали Соединенные штаты. Это сейчас на Альбионе всё спокойно, а переселяются туда только олигархи малыми группами. В древности же кто только не завоевывал себе «кусочек» туманной страны. И каждый народ приносил свои верования, на которые влияла история – история захватнических войн, рождения и гибели империй, разрушения и создания пантеонов божеств (от крупных до мелких), история путешествий и открытий, и не в последнюю очередь - торговли.

Века сменялись веками. Случалось и так, что даже одно слово с утраченным смыслом само рождало новый миф. Так, например, случилось со скифскими всадниками, которые потрясли мир, не знавший верховой езды, и превратились в кентавров. Сегодня мы можем совершенно точно сказать, почему у полуконя-получеловека в названии корень «таурус» - «бык», а не «лошадь». Скотопасы-кочевники, для которых бык был основным богатством, оставили память о быках в слове, но срослись всё-таки с конём, на котором и сидели. А уж мифы о том, как кентавры рождались не без помощи богов и воспитывали некоторых особенно выдающихся героев, целиком на совести древних греков.

Но если рассматривать в историческом аспекте мифологию Британии, то начать придется даже не с греков и не с перенявших их пантеон и верования римлян, которые впоследствии вторглись на Британские острова, а с древних финикийцев. Участие самих финикийцев в привнесении чего-либо на почву Англии - лично и физически – весьма сомнительно. Зато несомненно влияние финикийцев на греков (и далее по цепочке, включая влияние Римской Империи как на Европу, так и на пресловутые Британские острова).

Поэтому начать придется не с эльфов вообще, а конкретно с пикси, которых в Британии причисляют и к фэйри вообще, и к эльфам в частности, а где-то под пикси подразумевают эльфов, гномов и даже гоблинов – всех вместе.

О том, как может встретиться датчанин с финикийцем

или

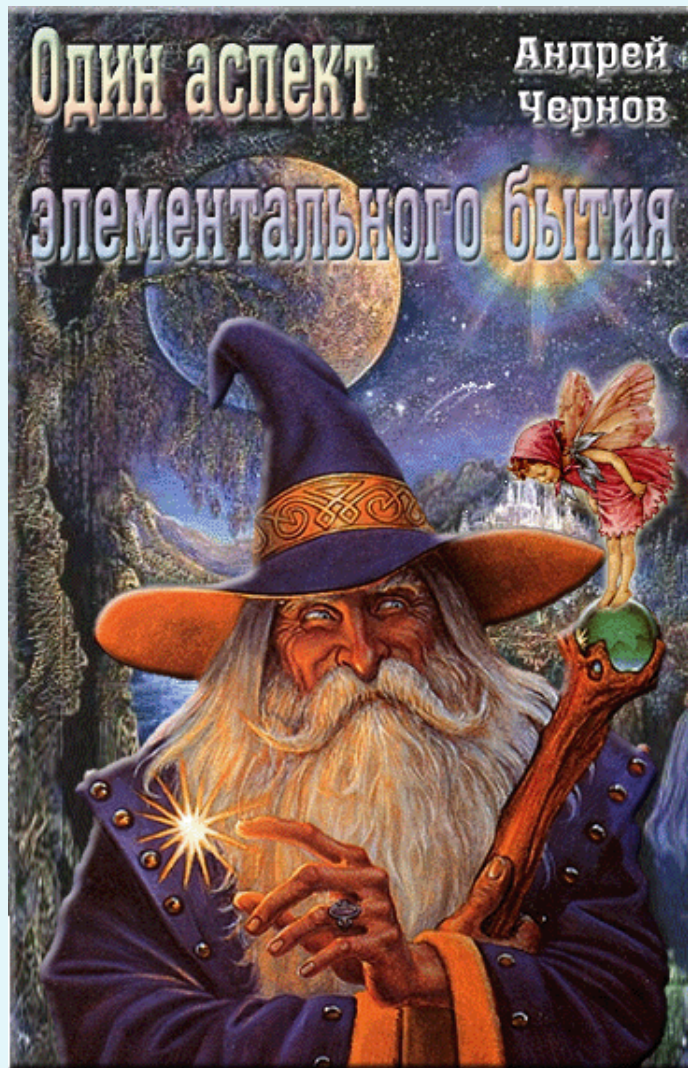
Чего стоИт слово, и что за ним стоИт

Этимология слова «пикси» до конца невыяснена. Считается, что его завезли в Англию финикийские моряки. По крайней мере, восходит оно именно к ханаанскому (финикийскому) корню. На счёт визита финикийцев в Британию есть только одно свидетельство: римский историк Фест Авенус

Вашему вниманию предлагается материал Андрея Чернова, редактора журнала «Палантир». Материал публикуется с сокращениями. Полная версия, включающая в себя как религиозно-этические, так и комментарии с точки зрения мистической традиции, а также отсыл к другим статьям по данной теме, опубликована в журнале Палантир №2.

Что касается описаний фейри, то, к сожалению, из всего, что приходится читать, - 99% это пересказы фэнтези-литературы. В русскоязычных материалах, посвященных этой теме, дело обстоит и того хуже. Мало кто понимает, что имеет дело с мистической субстанцией, коя, подобно хамелеону, может менять облик, а также внешний вид, размеры, форму, консистенцию и вообще, когда хочет, покидает наш мир и снова в нем появляется, из-за чего, собственно, этим субъектам чужды время, пространство и какие-либо материальные препятствия. Кроме того, эта субстанция, никуда не исчезая и не перевоплощаясь, вообще может «силой воли», «гипнотически» или еще как-то создавать нужную картинку в голове у очевидца-контактера (но тут может помочь регрессивный гипноз, и так выявлено немало интересного из контактов с потусторонним). Так что такие вещи, как одежда, крылышки, рост и др., вообще неприемлемы в качестве ориентиров: все это мимикрия (хотя некие закономерности все же имеются). Кроме того, все названия: "фейри", "эльфы", "гоблины" - обусловлены местными и временными различиями, разделяющими людей, давших эти названия, а также эмоциональными оттенками. Суть же одна и та же (см. книгу У.В.Сайкса "Британские гоблины" о Тильвит тег, фейри и эльфах. И никаких противоречий в таком объединении британцы не видят притом уж почти сотню лет).

Что же до взглядов на британскую мифологию, так они, естественно, могут быть различными. Ибо эльфология стоит на двух "китах": Фольклорной и Мистической Традиции. Для удобства их объединяют просто в Традицию, т.к. меж ними очень много точек пересечения, а граница располагается на различных глубинах погружения в оккультизм. Сюда можно приплюсовать третьего "кита" - данные очевидцев и контактеров. Но он будет условным. Ибо этими свидетельствами и контактами подпитывалась и

подпитывается Традиция (время же отсекает все лишнее). Ведь фольклор продолжает формироваться и в наше время. Ну, а ежели среди простого люду сии вещи (контакты) случаются большей частью спонтанно, то мистики и оккультисты целенаправленно практикуются в этом (правда, истинность и достоверность получаемой информации тут тоже иногда хромает, но в целом все же уровень ее очень высокий). И вот об этом надо бы предупредить поп-эзотериков и поп-эльфоведов. Ведь, как говорит пословица и показывает опыт: "Когда ты заглядываешь в Бездну, Бездна пялится на тебя", и это происходит вне зависимости от серьезности намерений, широты мышления и понимания мистических материй, а возможностей у сей Бездны ой как много, и она далеко не дружелюбна... Взять тех же эльфов: это с одной стороны - крылатые шалуны-озорники Шекспира, и с другой - вампиры-(сук-)инкубы типа Люборечников и Леан Ши, от образов коих отталкивался Брэм Стокер, создавая своего "Дракулу" (и сия ипостась - "не-мертвых", "духов предков", "древних людей" - является неперенным пунктом в любом западном исследовании фейри, если взять тех же К.М.Бриггс или У.В.Сайкса).

*"...Десница Господня не ослабела, <...>
демону не удастся, как он надеялся,
воспользоваться всеми плодами невежества
и заблуждения, чтобы как можно
больше навредить этим племенам..."
Монфокон де Виллар*

Сегодня мы поговорим о малютках эльфах, а также о крылатых феях и фейри, справедливо причисляемых к природным духам, коих издревле стремятся подчинить своей воле ведьмы и колдуны, мистики и оккультисты, и не всегда безуспешно.

Нужно заметить, что данная тема очень не популярна среди интересующихся эльфийским вопросом, и отождествление эльфов с маленькими летунами вызывает истерику у многих доморожденных

Автор данного материала поставил перед собой нетривиальную задачу. Если собрать воедино все свидетельства об эльфах из народных преданий, то какие выводы относительно устройства общественной жизни фольклорных эльфов можно сделать на основе современных наук: истории, социологии?

Писать об эльфийском обществе – трудная задача, так как даже те отрывочные представления, которые мы имеем на этот счет, зачастую противоречивы, или оказываются таковыми при близком рассмотрении. Особенно сложно каким-либо образом представить эльфийскую экономику, то есть процесс производства и потребления товаров в эльфийском обществе.

Да и утверждать, где живут эльфы тоже сложно. Скажем, если мы вообразим, что это жители лесов и луговых холмов, то можно будет долго рассуждать об их ремеслах. Скажем, эльфы не ходят обнаженными, но чтобы произвести хоть одну рубашку или пару брюк, необходимо затратить много усилий. Вырастить лен (или шелк, что сложнее при холодном климате), собрать его и обработать, собственно сшить вещь. Только на бумаге этот процесс кажется простым. А чем сшивать ткань? Очевидно иглой, железной или сделанной из кости. Ее тоже необходимо изготовить, причем не в единственном числе. Но ведь нужна и прочая одежда, и обувь, и мебель для дома, и сам дом. Это не считая основного продукта – пищи. Но как ее добывать? Охотой и собирательством, как в древнейшие времена? Или мы предположим, что эльфы уже перешли на производящую экономику и стали скотоводами и земледельцами? Тут же встает вопрос о том, где в наш век можно устроить пастбище или поле, не привлекая излишнего внимания людей. И эти вопросы еще самые примитивные, а если мы коснемся собственно производства, как экономического процесса, то сразу должны будем

предположить о наличии среди эльфов разделения труда, частной собственности и, как конечного звена, эксплуатации собственником средств производства своих работников. Последнее представляется экономической неизбежностью. Однако, можно представить, что эльфы образуют своего рода коммуны, где не существует товарно-денежных отношений, и ведется натуральное хозяйство в его самом чистом виде. То есть, товар производится и потребляется в самой общине, и торговли им не ведется. Мне последняя версия нравится больше других, но как тогда быть с

легендами, где говорится об именно денежном богатстве эльфов - то есть о сундуках с золотыми монетами. От них, якобы, ломятся потаенные жилища эльфов, а кто-то даже видел, как эльфы переносят свои богатства по земле. Едва ли здесь можно что-то сказать однозначно. Дело осложняется тем, что в легендах часто приводятся сведения о немислимой

красоте эльфийских одежд и волшебных эльфийских доспехах. Но даже если отбросить явно сказочные детали, то возникает вопрос, а как производили эти необыкновенные вещи? Для выращивания шелковицы и культивации тутового шелкопряда климат не слишком подходит, да и производство шелка дело многотрудное. Но изготовление оружия, пожалуй, еще сложнее, особенно если вообразить все этапы производства, от добычи железной руды, до собственноковки. И эти виды производства характерны уже не для общинного хозяйства, а для развитых государств. Это происходит ввиду того, что там уже существует четкое разделение труда, и ремесленник, занимаясь только своим делом, может достичь высочайшего мастерства. «Гениального глаза», который, как пишет С.Г. Кара-Мурза, был обычным делом у средневековых ремесленников, но исчез на капиталистической фабрике. Специализация производства, наследственность профессии, многолетнее обучение ремеслу, действительно порождало замечательные вещи своих эпох. Но для появления сословия ремесленников уже характерны денежные отношения, благодаря которым можно приобрести нужные для производства оборудование и материал – его не всегда возможно изготовить самим. Особенно в пресловутых лесах и холмах.

Если же мы представим, что эльфы живут в некоем параллельном мире, то эти вопросы вообще можно отмести, как несущественные. Действительно, можно не интересоваться, куда эльфы прячут свои поля и пастбища, а вообразить, что захочешь. Хоть мотыжное земледелие, хоть мануфактуры, хоть фондовые биржи.

Поэтому вопрос, о эльфийской экономике я оставляю в стороне. Это, конечно, интересный материал, но едва ли о нем можно судить с нашими скудными знаниями эльфийского общества. Хотя, может быть, я еще коснусь темы денег в эльфийском обществе, так как об этом говорят некоторые легенды.

Известно, что описание общества только тогда может претендовать на достоверность, когда идет по нескольким срезам: от политики и религии, до

"Мудрено сотворено. Премудры дела твои, Господи. На семи поясах Бог поставил звёздное течение. Над семью поясами небесными сам Бог, превыше его покров. На 1-м поясе небесные ангелы, на 2-м архангелы, на 3-м начала, на 4-м власти, на 5-м силы, на 6-м господства, на 7-м херувимы, серафимы и многочислестие. Мир - нетленная риза. Небо - нетленная риза Господня. Небо - престол Бога, Земля - подножие. Небо - терем Божий; звёзды - окна, откуда ангелы смотрят".

Из сборника Владимира Даля

Но что нам делать с розовой зарёй
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой...

Николай Гумилёв

Зябнет, дрожит, изгибается на нездешнем ветру огонёчек почти оплывшей до основания свечи, отважно отпугивающий сгущающийся смоляной сумрак, такой осязаемый, плотский, с непроглядными слепорождёнными пятнами, откуда вскоре следует ожидать непрошенных гостей. Кто ты, близкий гость, дай ответ, - добр ли ты, приветлив ли? С чем придёшь ты, друже?

Исцарапанная столешница самодельного стола заставлена вырезанными из зеленоватого, похожего на малахит, мягкого камня баночками с краской, охапками кистей, грифельными карандашами, мелкими, огрызками угольков, пыльными грудками бумаг и папок, стопками старинных, рассыпающихся прахом от прикосновения книг и альбомов. Добротно загрунтованная деревянная доска с еле заметным сероватым контуром рисунка на подставке. Отец Сергей сосредоточен. Очень уж нелегко даётся ему эта пока ещё не начатая работа. Будто что-то инородное, явно потусторонней породы, мешает ему окунуть кисть в краску и сделать мазок, а затем ещё и ещё

Отец Сергей вздыхает и присаживается на трёхногий стул. Рассеянно смотрит куда-то сквозь догорающую свечу, встаёт и, перекрестившись, идёт на крошечную кухню в дальнем, отгороженном циновкой-пологом, углу кельи. Там он ставит на сложенную из камней плиту чайник – грубый, закопчённый, залатанный, чудом удерживающий воду в кубическом брюхе. Ждёт, когда тот закипит, и наливает кипяток в пузатую, грубой лепки, кружку. Молча, вдыхая через ноздри пахучий пар, пьёт крепкую чайную муть. Точнее, не совсем чай, а смесь из высушенных местных трав, собранных в конце третьего, наименее дождливого, месяца Долгой Весны, когда в диких хвойных лесах по ту сторону Верхнего Янтарного Океана, на укромных полянах, расцветают душистые иссиня-лиловые цветы, чьи бутоны размером с голову взрослого человека, и высоченные "хвоци", чьи трубчатые "стебли" и длинные ребристые "листья" фосфоресцируют во влажном, напоенном слащавыми испарениями, сумраке.

Очередной глоток чая равномерно разлился внутри бодрящим теплом. Отец Сергей прикрыл натруженные, красные от недосыпания, глаза и невольно улыбнулся путаному клубку мыслей, что вновь вторглись в его одинокое затворничество: "Кто я в мирах сих безбрежных? Всего лишь человек, чья

плоть всё так же слаба и ничтожна, несмотря на то, что её, вроде бы, когда-то рискнули усовершенствовать, прежде чем выбросить из знакомого колыбельного уюта в смертоносную пустоту. Но улучшился ли он, сделавшись якобы совершеннее и горделиво вообразив себя равным самому Всевышнему? О, нет... И снова, будто в насмешку, повторилось изгнание согрешившего Адама из благоуханных садов эдемских. Так зачем я здесь? Кого жду? Вестника ли светлого и долгожданного, что в час мой призовет меня и, взяв за руку, словно дитя малое, уведёт туда, куда даже опытные матери кормчие бояться ступить? Его ли дождусь? Либо, кто знает, так и исчезну безымянным в этих могильных снегах? Оборони, Господи, и проведи мя, инока твоего многогрешного, тропую нехоженой по обратной стороне полуночи адовой... Спаси и сохрани, спаси и сохрани...".

Отец Сергей долго и пристально, о чём-то задумавшись, вглядывался в рисунок, взял кисть, обмакнул её в золото, но... Свеча, моргнув, угасла, впусив, наконец, истомившегося от ожидания давнего и непримиримого недруга – лютую морозную тьму Иномирья. Безглазую и немую. Убивающую чужаков без жалости и сожаления.

Но весна, короткая, прохладная и дождливая,

***

Застывают капли ночи,
Превращая свет во тьму,
День становится короче,
Будто холодно ему.

Зимний вечер серой мглой
Красит рядом и вдали,
Даже снег уже с золою
Цвет похожий обрели...

Вдруг погаснет купол неба,
И на черной простыне
Засияют крошки хлеба,
Путь указывая мне.

Все в ночи прохладной тонет,
В снежный кутаясь покров,
Только ветер тучи гонит,
Как пастух своих коров...

***

Зимний вечер. Вьюга злая
Свирепеет за окном,
Вся природа, замирая,
Засыпает сладким сном.

Белый снег, как одеяло,
Покрывает все во мгле.
И везде так пусто стало
На заснеженной земле.

Спят деревья-великаны
(Все в меха облачены),
Будто злые истуканы,
Безразличия полны.

Безразличие и вьюга
Управляют на земле.
Это время для досуга
С чашкой чая на столе.

***

Я пою об ушедших героях
Чья давно уж погасла звезда,
Об их душах, не знавших покоя.
Их сердца не старели от зноя.
Не сдавались они никогда.

Их мечты растворили закаты,
Но прошедшие древние дни
Сохраняются в памяти свято:
Эльфы помнят что было когда-то
И вовек не забудут они.

Я пою о победах и горе,
Вспоминая сиянье знамен,
И пришедших сюда из-за моря
И рожденных на смертном просторе,
О величии славных имен.

Пусть стареют эпохи и годы,
Пролетая за множеством зим.
Позовут нас далекие воды,
Но, слагая прекрасные оды,
В своих душах мы вечность храним.

***

Пусть мороз звенит и воет,
Пусть метель бросает снег,
И сугробы вдруг накроют
Все, что создал человек,
Но не вечен голос вьюги,
Он утихнет ярким днем,
Ведь идут себе по кругу
Снег и солнце, день за днем...

***

В чертог, дыханьем согревая,
Уже стучится к нам весна.
И солнце теплое, зевая,
Лучи деревьям раздавая,
Уже проснулось ото сна.

И слышен звук ручьев звенящих,
И в ожидании чудес
Не то, чтоб и не настоящих,
Но удивительных, манящих,
Застыл под снегом старый лес.

Но капли с крыши текут ручьями,
Пора проснуться! Сон долой!
Уж скоро стройными ключами
Под солнца теплыми лучами
Вернутся странники домой.

***

Удивительный закат:
Тучи пламенем горят,
Расстилают мягкий плед
И плывут за солнцем вслед.
Ветер носится резвясь,
То внезапно затаясь,

То, взлетая в вышину -
Лес готовит он ко сну.
И, достоинства полна,
Выплывает вдруг луна,
Нам даря свой бледный свет,
Ведь второго солнца нет!
Вот погаснут все лучи -
Лунный свет наш друг в ночи.
Тусклый свет ночных светил
Сон с собою прихватил.
Снят деревья, спит трава,
Ночь берет свои права!

***

Я рисую лето:
Солнце и цветы,
Обитают где-то
Там мои мечты.

И зеленым цветом
На большом листе
Нарисую лето
В буйной красоте!

Я рисую осень:
Желтую листву,
Средь зеленых сосен
Зайца и сову.

Желто-красным цветом
Пестрых листьев стад
Разукрашу лето
На осенний лад.

Но завеет вьюга,
Снегом заметет,
И зима-подруга
К нам тогда придет.

Пусть метели дуют,
Снег идет при этом,
Зиму нарисую
Ярко-белым цветом.

Всё идет чредою,
И зима пройдет,
Холод за собою
Солнце приведет.

Расцветут дубравы,
Яблони в саду,
Все леса и травы
Первый раз в году.

***

Небо хмурится дождями,
Тучи водят хоровод
И широкими сетями
Укрывают небосвод.

Все застыло ожидая,
Будто войско, в вышине,
Только ветер пролетает
На серебряном коне.

Через миг прольются слезы,
Хлынут капельки с небес,
Запоют шальные грозы,
Оживет застывший лес.

Вот! Сейчас! Гремят раскаты,
И вещает генерал,
И уже бегут солдаты,
Поражая наповал.

Гром и буря, дождь и ветер,
Серой мути мрачный вал.
И сегодня целый вечер
Здесь стихия правит бал.

Кумехтар

Giril lass laeg

Giril lass laeg. Gwaeron ab-dolen.
Nan Ndûn I Anor gwann ar nirnaeth nîn linnen.
Av'wanno mellen nîn! Melethen ereb onen!
Ú-iston manen cuio bel-le. Amar dhunnen.

Naegen osgar i 'ur nîn harnannen.
Tawaren lacha laeg ellenath lassath,
Vi Menel cuin Anor uireb ú-wannen.
Man sad i fae lin? Ú-athelithach.

Листопад

Прямая линия, зигзаг что вздох:
Пунктирных линий через такт - подвох.
Бокал параболы излит, меж тем
Все это страшно далеко от схем.
Пусть хаотичность виражей пуста,
Но отражает краткий путь листа.

Aurin Thelassiel

Рекомендовать
[Оставить комментарий](#)

Версия известной истории в изложении неизвестного эльфа-шовиниста, случайно обнаруженная при раскопках в окрестностях Дориата

Двери, ведущие в парадную залу величественных чертогов владыки, с силой распахнулись. Утирая слезы, сбивая на своем пути стражников и придворных, вбежала Тинувиэль. В глазах её читался не то гнев, не то испуг. Все присутствующие удивленно расступались и, услышав негодующий крик: «Где отец?», - тут же отмахивались в сторону королевской опочивальни. Монарх был вымотан торжественным приемом, проведенным в честь прибытия делегации из Оссирианда, и меньше всего на свете ему хотелось, чтобы дочь врвалась к нему в покои и срывающимся голосом требовала чего-то невнятного. Но так оно и случилось.

- Тин, милая, объясни понятнее, чего ты хочешь? Какая помолвка? Ты что такое говоришь?

- Отец, что тут непонятного? Этот, как его, Берен, он просил моей руки. Ты сказал, что согласен, только если он достанет Сильмарилл, было такое?

Тингол приподнял брови и пристально посмотрел на дочь. Кажется, в этой комнате явно кто-то сошел с ума, и больше всего король боялся, что не он. Владыка подтвердил, что действительно пообещал её в жены Берену, но не просто пообещал, а уже и отдал: свадьба состоялась вчера! Теперь глаза округлились у Тинувиэль. Нет, она, конечно, чувствует, что вчера было что-то страшное, потому как голова по ощущениям напоминает перезревший арбуз, который вот-вот готов лопнуть от малейшего прикосновения. Тингол начал понимать, входить, так сказать, в положение дочери, и решил сам освежить её память душещипательным рассказом.

После того, как эти двое вернулись из Ангбада,

король повелел устроить грандиозный пир, где вино лилось рекой, а веселье буйствовало до самого рассвета. По прихоти невесты сама церемония бракосочетания состоялась под утро после застолья, так что анекдоты об этом событии будут долго ещё веселить жителей Белерианда. Чего только стоила реплика Лютиэн, когда на вопрос: «Будешь ли ты любить и хранить Берена в горе и радости, в богатстве и бедности, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит вас?», она радостным голосом ответила: «Полсотни лет для эльфа - не срок, отмотаю как-

нибудь». В этом месте рассказа Тинувиэль покраснела и постаралась не смотреть отцу в глаза. Он продолжал.

Во время застолья Даэрон хотел прочесть новобрачным хвалебную оду, но Лютиэн с криком: «Уймись, графоман несчастный!» - запустила в него хрустальной салатницей. Теперь-то понятно, почему все расступались при её появлении! Настала очередь Тинувиэль объяснять свой сегодняшний визит: вчерашние поступки объяснению не поддавались. Запинаясь, краснея и зеленея, Лютиэн всё же смогла донести общий смысл своего раннего визита в отцовскую опочивальню. Дело в том, что безудержная энергия майи, кровь которой текла в ней, сыграла с девушкой злую шутку. После толп рафинированных поклонников, которые пытались сразить сердце красавицы своим рифмоплетством и завываниями, ей просто захотелось чего-то настоящего... Настоящего Мужчины... А не полевого цветочка... И в момент одного из таких приступов появился Он... Воплощение нецивилизованной силы и... соответствующей гигиены. Несомненно, первой эмоцией был испуг. Оно и понятно: когда видишь йетти, сначала пугаешься, а потом бегаешь за ним с фотоаппаратом. У Тинувиэль цифровой техники отродясь не водилось, поэтому она воспользовалась емким эльфийским сравнением: «Понаклепал Саурон от Моргорта детей. Говорила я, что мужеложство - это плохо, но не думала, что настолько!» Однако страсть юнната и заманчивое «А что будет, если...» превозмогли страх перед внешним видом и ароматом диковинного существа. Лютиэн, имеющая познания в искусстве изящного обращения, довольно быстро смогла жестами объяснить незваному гостю, что с радостью продолжила бы с ним общение после его купания в озере. «Все равно туда сточные воды со всего Дориата стекаются, не думаю, что он его сильно загрязнит», - подумала Тинувиэль. Действительно, после купания некоторое количество грязи отмылось. Но с этим уже можно было идти под проточную воду в ближайший ручей, не боясь испортить экологию самым nepозволительным образом. Целый день

Эльфы по Толкину

Они появились почти сразу после выхода первого издания «Властелина Колец» в печать. Это была первая волна пробуждения. Для кого-то из эльфов «Властелин колец» стал своеобразным толчком для понимания себя и определения себя, своего места в этом мире.

Знакомые и не очень знакомые персонажи, описываемые Толкином, становились этим эльфам близкими. Образы эльфов, описываемых автором, были притягательны и завораживали. На этих персонажей хотелось походить. Тем более, что вновь пробудившийся эльф не знал, что ему делать с собой, со своим новым «я». И модель поведения, и образ жизни эльфов, описанных Толкином, бралась за основу. Им следовало неукоснительно, подражали... Ибо так было сначала легче, а со временем проще.

За этой моделью поведения терялось свое «я» пробудившегося эльфа. Ибо, сам того не понимая, юный эльф (не по возрасту биологическому, а по длительности периода от пробуждения) терял себя, играя. Играл, постепенно вживаясь в этот образ, ибо иного он не знал. Этот наигранный образ так прочно впечатывался в душу, мысли эльфа, что воспринимался он, образ, уже не как образ, а как реальность и вполне естественная вещь.

Такая сильная привязка к толкиновским эльфам не давала возможности иначе взглянуть на себя. Все, что выходило за рамки принятого образа, считалось чуждым, «не эльфийским».

Грани «эльфийское» и «не эльфийское» в понимании и восприятии этого мира тонки и непрочны. Что характерно для эльфов, а что нет? Что приличествует эльфам, а что нет? Каким должен быть эльф? Это вопросы, на которые пытаются ответить все эльфы, будь они «по Толкину» или нет. Но эльфы «по Толкину» поступают проще: ищут ответ в

работах Профессора.

По большому счету, для многих из нас работы Толкина были толчком для самоидентификации. Но кто-то остается в этом призрачном мире «по Толкину», а кто-то идет дальше. Таких эльфов, которые идут далее, я называю эльфами «по жизни».

Эльфы по жизни

Это довольно большая группа эльфов. Они не ограничивают себя рамками «что должно и что приличествует истинному эльфу». Не спорят и не доказывают до хрипоты, что отличает истинного эльфа от «неистинного». Им это не нужно, потому что они просто есть, живут! Живут согласно своей совести, морали... Они разные. И не всегда со знаком «плюс».

Для них более характерна терпимость, гибкость в понимании этого мира и восприятии окружающих людей и себя. Однако эльфы «по жизни» не

растворяются в этом мире, а держатся немного обособленно, понимая, что их восприятие мира отличается от восприятия мира людьми.

Гибкость и терпимость эльфов «по жизни» не связана, как может показаться, со слабостью характера или нежеланием изменить этот мир.

Иногда эльфов «по жизни» называют ролевыми. Это совсем не так!

Эльфы «по жизни» и ролевики – это разные социальные группы.

Ролевики – общность людей, играющих в ролевые игры живого действия. Ключевое слово в понимании разницы между эльфами «по-жизни» и ролевыми – «играют». Среди эльфов есть немало ролевиков, для которых ролевое движение – своеобразное хобби. Но всего лишь хобби.

Смысл ролевых игр заключается в том, чтобы погрузившись в атмосферу вымышленного мира, атмосферу предшествующих эпох, отыграть определенную историю или тему. Как правило, ролевые игры проводятся вне города (на полигоне) и включают в себя изготовление соответствующей одежды, декораций, подготовку сюжетной линии и обыгрывание сюжетной линии. Игры носят временный характер, и все участники игры – лишь актеры. Они перевоплощаются на время в свой образ, отрываясь от цивилизации. Игра окончена, и ролевики становятся самими собой.

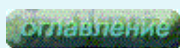
Чем руководствуются эльфы «по жизни»? А все теми же нормами морали, которые приняты во всем мире. «Не укради», «Не убий», «не прелюбодействуй»...

Эльфы по жизни живут в этом мире здесь и сейчас. Работают, отдыхают, воспитывают детей. Живут полноценной жизнью и не оглядываются на то, какими их описывал Профессор.

Glорidhel Serinde

В оформлении использованы работы Tinteite

Рекомендовать
[Оставить комментарий](#)

3.

Вообще образ эльфов в романе «затуманен», отнесен (эльфы, если не считать Фелиции, «четвертьэльфа», не участвуют в произведении так явно, как люди, вампиры или даже гномы). Но, в то же время, доминирует именно эльфийская часть, причем так ненавязчиво...

Вампирское общество (именно альпы) по сути своей напоминает человеческую власть в лучшем проявлении (лучшего, чем «пить кровь», хотя при этом и давать что-то взамен другим, оставшимся в живых, нет и не было в истории), потому что люди в большинстве в сущности прагматичны: «Элитам вампиров и людей, рано или поздно, оказывается более выгодна стабильность. Пусть даже за это придется пожертвовать пешками – своими и чужими». («Тропа в Огнеморье»). Романтик (про такого говорят: «Не умеет жить») в человеческом обществе будет, в лучшем случае, не понят, в худшем – погибнет. Люди, как правило, существуют по принципу «надо уметь выживать и потреблять», а это умение, что бы ни говорили, основывается не на законах гуманизма, а на законах личной выгоды. Эльф может думать и поступать по-другому (например, Эльф отпускает Альпа, брата-вампира, хотя знает, что этот поступок принесет боль, но эльф по-другому поступить просто не может)...

...Положительным персонажам романа такой прагматизм-потребительство (стремление к выгоде за счет жизни и (или) интересов других) не свойственен, или же это качество преодолевается. И это важный момент в «Тропе...», потому что образ эльфов в произведении передается большей частью посредством поступков других персонажей. Или же сюжетом в целом. Как такое может быть?

Вероятно, в этом случае следует помнить о том, что эльфийское сознание или сознание вампиров (передающиеся через учения) исполняют для действующих лиц доминирующую функцию. То есть остальные герои (не эльфы и не вампиры) так или иначе оказываются под влиянием либо одного, либо другого. Логика вампирского общества понятнее людям и гномам, чем логика «далеких от жизни» эльфов. Следовательно, те, кто действуют «не по-человечески», нелогично, непрагматично, скорее всего, поступают по-эльфийски. Возникает убеждение в отсутствии «реалистичности» (которая есть, например, в произведениях В.Камши). Но эта «нереалистичность» вполне оправдана: персонажи поступают так, как диктует им эльфийская логика, так, как они должны поступать, а не так, как выгодно или необходимо. Например, Изабелла, человек, поступает по-эльфийски, слушая предка Фелиции, призрака-полуэльфа. Она отказывается от данного ей задолго до ее рождения Дара, хотя этот поступок по логике прагматизма делает ее уязвимой перед силами Зла. По сути, в «Тропе в Огнеморье» происходит перенос эльфийского сознания на человека...

4.

Несмотря на таинственность образа эльфов в «Тропе...», читатель все же вполне может представить Светозарных по портретным наброскам. «Эльфы золотоволосы, белокожи, одеты с утонченным вкусом, - пишет А.Грин и сравнивает их с тиганами, - манит и тех, и других простор и свобода лесов». Эльфы «Тропы...» превосходят белых (именно белых) людей в быстроте, выносливости, ловкости.

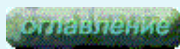
Безусловно, представители этой расы традиционно удивительно музыкальны. Только потомки современных цыган – тигане в Огнеморье могут сравниться с эльфами в этом искусстве.

Мир Огнеморья – мир не только (и не столько) техники, но и мир магии. И именно магия присуща

эльфам. «И эльфы, и их магия – результат многовековой деятельности дайан» (Дайаны – переходная ступень между людьми и эльфами, жрицы). Дайаны запрещают первым поселенцам Северной Эльфлории пользоваться металлом и создают закрытую зону с непривычным для других жителей материка укладом жизни. Но магия эльфов ослабевает, когда Светозарные отходят от древних традиций, начинают пользоваться техникой...

Эльфы являются не просто частью мира, они тесно связаны с его природой, с его сутью, поэтому отказ от самих себя приводит к разрушению гармонии. И, наверное, не случайно «Тропа в Огнеморье» изначально задумывается как роман, открывающий серию книг о мире будущего. Возможно ли возвращение миру Гармонии? Вопрос этот пока остается открытым...

5.

Прекрасные эльфы, что несут Свет, и вампиры, властвующие в обществе потребителей. Два образа, столь разные, никогда, ни в одном другом произведении, не пересекающиеся, в «Тропе в Огнеморье» вдруг оказываются переплетены.

Все, что имеет общее происхождение, так или иначе, несет в себе общие черты. Великое Добро и Великое Зло – что между ними общего? «Прямые потомки Альпа называли себя альпы (или вампиры-эльфы, хотя по убеждениям эльфов Северной Эльфлории и ее даيان ни сам Альп, ни его потомки к представителям Первой Расы относиться никак не могли». («Тропа в Огнеморье»). Однако за этими убеждениями прячется словно не истина, а нежелание признать правду. Уже сравнение с вампирами, ведущими свое происхождение от других рас, доказывает это. Только альпы утонченны и аристократичны, только альпы обладают удивительной способностью к лидерству. Вампир-человек, «носферату», может подняться до уровня альпа, только вкусив эльфийской крови. Именно эльфийская кровь позволяет стать альпом! Получается, что не может быть одно без другого! И не случайно в пророчестве последней дайаны говорится о том, что люди обвинят эльфов в вампиризме.

Альп и Эльф – братья-близнецы, названные именами, имеющими общее происхождение. Что будет, если Эльф, несущий Свет, откажется от своего Пути?..

Ничего не известно о доогнеморских эльфах, только гипотезы и мифы, но переживший брата Альп интересуется историей. Он узнает, что в доогнеморские времена вампиров было много. И

занимались они захватом власти. Только после столкновения континентов вампиры погибают.

Мир, де властвуют вампиры, так или иначе, обречен: учение альпов гласит, что жизнь преходяща, а смерть вечна. Вампиры не способны к развитию, а то, что не развивается, приходит в упадок.

«Тропа в Огнеморье» не открывает мир, где властвуют эльфы (понятие «власть» эльфам чуждо), мир власти вампиров знаком и отталкивающ. По сути, А.Грин утверждает, что человек, оказывающийся под влиянием нечеловеческой цивилизации, теряет свободу воли, превращается в голема, что его природе все же чуждо...

6.

«Тропа в Огнеморье» очень символична. Автор романа – исследователь, много лет изучающий т.н. «Альбийский пласт». Эльфам посвящены статьи «Цивилизация эльфов», «Пирика - язык эльфов», «Тайны Титанов». Причем, А.Грин утверждает, что альбены (эльфы, элены) предшествовали другим цивилизациям.

Уже говоря об Огне Драконов, особой Силе, данной не каждому, автор отмечает, что «человек, принявший тихую бесконфликтную жизнь за конечную цель, превращается в овощ, в «офисный планктон» («Тайны Титанов»). Эта Сила очень напоминает ту, что владеют эльфы. И она может быть направлена как на созидание, так и на разрушение...

Понятие Силы связано и с религией. Христианство, где говорится о богочеловеке, несколько напоминает веру, предложенную обществом вампиров в «Тропе в Огнеморье»; в «Тайнах Титанов» называется «христианством потребления». При этом в статье говорится об особенностях религии Украины и Румынии до влияния греков. Особенность эта заключается в вере

не в богочеловека, а в человекобога, т.е. такого же, как и человек, но наделенного Силой.

Цивилизация вампиров – цивилизация общества потребления. Если жизнь человека связана с раскрытием себя, со своим Предназначением (миф о сестрах-«урситоарах» («Тайны Титанов»)), то без использования Силы, без действия, только потребляя, такая жизнь становится равносильной смерти.

И в румынской мифологии говорится о «мороях», живой нежити, особенностью которой является избыточный вес. Вампиры «Тропы в Огнеморье» не обладают избыточным весом, однако это понятие символически отражается в учении альпов.

С другой стороны, положительные персонажи обращаются к Богине (не к Богу, а к Богине). Почему же спустя тысячелетия после гибели материков Земли возрождается похожий культ в Огнеморье? Не потому

ли, что старая религия сильнее, чем новая? Не потому ли, что Сила эльфов начала действовать, чтобы спасти общество, в котором появились вампиры? А ведь общество потребления обречено на вымирание. И об этом тоже говорится в «Тайнах Титанов».

Самой первой цивилизацией Балкан А.Грин называет пеласгов. Исследование («Тайны Титанов») посвящено культуре Винча, «золотой эре», для которой не характерно социальное неравенство и неравенство полов, но характерен миролюбивый уклад жизни. Еще одной особенностью исследования этой культуры являются найденные многочисленные изображения Белой Богини. При этом А.Грин отмечает, что «религию Белой Дамы нельзя назвать ни жестким монотеизмом, ни жестким политеизмом – это мягкий синтез того и другого. Великая Богиня едина, но не единственна...» («Тайны Титанов»)...

...Эльфам чуждо властолюбие, потребительство. И социальный уклад культуры Винча А.Грин называет «хорархией» (от слова «хор», «хора», круг). «Многие существенные черты хорархии сближают ее с идеалами коммунизма и анархизма», - пишет исследователь.

Трудно представить современному обывателю с «неэльфийской» психологией, как может существовать, процветая, подобное общество, однако «ни одна из цивилизаций, построенных на социальном неравенстве и войнах, и близко не смогли подойти к подобным срокам. Все они обречены на исторически короткую жизнь.» («Тайны Титанов») Поэтому, наверное, и последний вампир в «Тропе к Огнеморью» просит убить его, когда цель «экспедиции» достигнута. У общества вампиров «Тропы в Огнеморье» нет будущего, хотя эльфы остаются весьма таинственными персонажами до

конца романа...

Татьяна Симкина. «На пороге забвения»

1.

Словно два полюса, две расы – людей и альвов – видит читатель, попадая в мир рассказа Симкиной Татьяны «На пороге забвения».

Любое общество достаточно неоднозначно: есть среди каждого племени и хорошие, и плохие люди. А если племена различны настолько, что не только обычаи, язык, внешность, но и психология настолько не похожи, что даже если бы поместить одного

представителя племени в другое, то ни за что бы чужак не стал своим, как тогда ужиться? Или все-таки, случись такое непонимание, причиной будет не непохожесть, а необразованность, невоспитанность...? Что? Каждый ответит по-своему. Ясно одно: есть те, кто может принять нечто непохожее на себя самого и, может быть, непонятное, а есть те, кто принять не может.

2.

Мир людей, в котором почти совсем исчезли эльфы, а тех, кто остался, называют альвами. Они внешне напоминают людей, хотя и имеют слегка заостренные уши. И все же, несмотря на сходство, каждый человек скажет, увидев альва, что перед ним нелюдь. И недоверие и даже ненависть, что возникает ко всему чуждому, сразу вспыхнет в людской душе.

Долго живет альв, главный и почти единственный положительный персонаж в рассказе. Он не стремится к общению с теми, чей век подобен быстро промелькнувшему дню. Он наблюдает, как меняются поколения...

Люди знают об альве Гилде. Случись что – неизлечимая болезнь или другая беда – приходят к его домику в лесу, просят помочь. Гилд никогда не отказывает: как можно обречь на смерть живое существо, если ты можешь помочь? Помогает. Но люди, получив желаемое, исчезают, не чувствуя благодарности, ведь альв – нелюдь, чужак.

Весь рассказ, каждая страница, - печальная мелодия незаслуженного одиночества... Альв, оказавшийся в мире людей, не может думать и действовать так же, как и они. Он вообще не может быть похожим на них.

Поступки людей и альва говорят сами за себя. Как это часто бывает в человеческом обществе, объявляется очередная охота на преступников. Но

странное дело: не на тех, которые убивают всех – и людей, и альвов, – дикарей-людоедов, а на альвов и их учеников – людей, объявленных еретиками. И жизнь альва, всегда помогавшего людям, оказывается под угрозой: эти самые люди объявляют его вне закона. И он не может легко спастись, просто скрывшись, «растворившись» в лесу, потому что не может поступать против того, что считают правильным: он должен спасти старика-мага, своего бывшего ученика, за которого пришел просить его сын.

Сцена спасения, где сын старика действует как трус, а альв проявляет благородство, описание пути во время бегства из графства, события во время

одинокое скитания Гилда, гонимого людьми, насмехающимися над ним, - все вызывает сочувствие к альву и гнев против тех, кому ведом лишь их узкий теплый мирок, завоеванный умением жить: жадностью, скупостью, жестокостью, эгоизмом...

3.

Можно отметить, что образ альва в произведении исключительно положителен, в то время как образ людей – отрицателен.

Во-первых, налицо явная проблема неприятия «чужого», непонятого, отличного. И это проблема всего человеческого общества, а образ альва помогает наиболее остро почувствовать ее. Все, непохожие на большинство, вынуждены или погибнуть, или спрятаться под маской привычного толпе, да так, чтобы люди даже забыли, что некое недоразумение вообще существовало. Отказаться от самого себя – что может быть страшнее? Именно поэтому альв и вся его раса оказываются «на пороге забвения»: «Это воин – человек (говорит о Гилде герцог-альв), и если кто-то из моих солдат попробует сказать другое, просто повесьте негодяя». Напоследок снова встретились взгляды бродяги-альва и герцога: «Больше я ничего не смогу для тебя сделать». Альвы «растворяются» среди людей, становятся мифом, а то, что миф, - то нереально, и можно следовать и дальше лишь единственно тому, что считается правильным.

Людям свойственен жесткий прагматизм: брать то, что необходимо, не общаться с тем, кто не нужен, непонятен, может скомпрометировать; Лошадь можно использовать, чтобы уйти от погони, неважно, что она погибнет в пути, главное - спасение собственных жизней; а если альв – не человек, то он может создавать угрозу; если он милосерден, то сам виноват в своей глупости.

Альв же не стремится быть лучше кого-то, он

просто не может быть другим: не может не помочь человеку, хотя знает, что тот его предаст, не может причинить зло, ненавидеть, даже если для ненависти есть причины. Именно особое восприятие мира, а не только способность жить, по наитию исцелять, метко стрелять из лука, отличают альва от людей, которых он встретил на своем пути.

Но именно поэтому человеческие жестокость и эгоизм в итоге оказываются сильнее...

Рекомендовать
[Оставить комментарий](#)

[Окончание в №11](#)

главление

самые диковинные теории: чем диковинней, тем интереснее. Представления об угро-финских родственных языках начало складываться в Центральной Европе уже в XVII веке, но в Финляндии еще и в XVIII веке пытались доказать, что финский родственен ивриту, древнегреческому и готскому. Доказать это не удалось.

Что же до шведского, то его главенство было закономерно: с 1300 до 1809 года Финляндия входила в состав Швеции, с 1809 до 1917 именовалась княжеством Финляндским в составе Российской Империи. До 1809 года единственным официальным языком на территории Финляндии был шведский. Российская Империя ввела ещё один язык – русский. Через 25 лет после публикации «Калевалы», в 1860 году, борьба финской интеллигенции за официальное признание родного говора равноправным с двумя другими достигла пика. И Александр II утвердил «наличие» у финнов еще одного языка. Сегодня в Финляндии официально существуют два государственных языка: финский и шведский. Возможно, если бы некий лингвист-швед в начале 19-го века заинтересовался говорами финских крестьян, то история языка финнов сложилась бы иначе. Но ими заинтересовался финн, и (что очень важно) не лингвист. Нисколько не умаляя заслуг Лённрота, следует отметить, что в силу как и глубоко патриотической задачи, так и в силу отсутствия специальных знаний, он предполагал, что собирает народный фольклор: руны-песни, звучащие на «разных говорах» одного языка. Для финна того времени (сейчас ситуация несколько иная) было вполне естественным, что некий говор он понимал почти полностью, какой-то - частично, а иной - с трудом или не понимал вовсе (особенно, если он говорил с карелом). На территории Финляндии можно было добраться до смысла сказанного при помощи

шведского языка (ближе к Западу) и при помощи русского (ближе к Санкт-Петербургу). Нет ничего удивительно и в том, что Лёнрот считал карел финнами, а их язык – тоже финским. И собирая руны-песни, большинство из которых было записано в Калевальском районе Карелии (ныне территория России), он включал всё собранное в состав «финского языка». Впоследствии, уже составляя словарь финского, Лёнрот изрядно обогатил его на основе материала, полученного как в Финляндии, так и по большей части, в Карелии.

«Одиссея», «Иллиада», «Старшая» и «Младшая Эдды», «Беовульф» – народы, создавшие эти произведения, гордятся тем, что эпические творения показывают и общность их как единых народов, и наличие у них этой общности-государственности с давних времен. И чем древнее эпос, тем больше гордость. Переход Финляндии под власть Российской Империи как автономии и уравнивание в правах шведского, русского и народного языка финнов дали толчок к проявлению национального самосознания.

Ещё до подвижнической деятельности Лённрота находились энтузиасты, которые предполагали, что разрозненные былины и сказания некогда составляли цельный эпос. Руны-песни Финляндии и Карелии наводили на такую мысль в первую очередь потому, что обладали единым стихотворным размером старинной народной поэзии угро-финнов - четырехстопным трохеем (хореем). (Такой же, в принципе, размер использован в русских былинах, им пользовался и А. С. Пушкин в опубликованной в 1831 году "Сказке о царе Салтане"). Однако очень быстро выяснилось, что никакого общего сюжета, общих исторических событий в рунах-песнях нет.

Лёнрот не собирался повторять путь своих предшественников и искать то, чего не существует. При составлении сборника «Кантелетар» он принял новую установку, которую выразил в паре стихов: «Стану сам я рунопевцем, заклинателем я стану». Немалую роль в том, как он подошёл к делу

составления «Калевалы», сыграл и такой факт: в те времена мало кого можно было удивить новой фольклорной публикацией. Сборники песен, переделки сказок, беллетризированные истории "из народной жизни" печатались по всей Европе. «В XVIII и в начале XIX века в Европе, особенно в Германии, романтизм создал образ "народного поэта", чувствующего силу и красоту "дикой природы", "естественных чувств" и, конечно, народных преданий. Таких "народных поэтов" находили в истории, порой создавали за них и песни. В конце XVIII века шотландский поэт Макферсон издал под именем "древнего барда Оссиана" цикл поэм. Подделка вскоре была разоблачена, но шотландцы не разлюбили эти поэмы». (С.Я. Серов. Из предисловия к публикации «Калевалы»).

Элиас Леннрот совершал длительные поездки ради сбора ранее неизвестных песен-рун. На их основе он и создал эпос: убрал лишних героев, заменил одних на других, увязал события в общий сюжет, дописав при этом для связки не менее 23% «Калевалы» самостоятельно. Чтобы предельно ясно обозначить,

чем подобный труд отличается от простой находки цельного текста эпоса или от сбора отрывков связного текста, можно привести такой пример: попробуйте составить оригинальный эпос на основе русских былин-песен (благо, даже стихотворный размер подходящий), срастив между собой «Идолище сватает племянницу Князя Владимира», «Вольгу и Микулу», «Королевича из Крякова», «Садко», «Сорок калик» и «Хотена Блудовича». (Правда, если брать все ныне известные былины, то за счёт многочленности русского этноса и ряда других причин материала хватит на десять «калевал», если не больше). Так же следует добавить в «эпос» народные заговоры и обрядовые свадебные песни. Сегодня такой труд пропадёт зря: не вызовет общественного резонанса.

С 1833 по 1853 годы Лённрот, работая врачом в провинциальном городке, совершил 10 поездок - фольклорных экспедиций в Карелию. Уже в 1833 году был готов первый цикл рун, группированных вокруг Лемминкяйнена. Но в том же году Лённрот подготовил еще больший цикл с центральной фигурой старого мудреца Вяйнямейнена и сборник свадебных песен. Все эти материалы впоследствии вошли в "Калевалу".

В 1834 году Лённроту особенно повезло. В Ладвозере он встретил народного рунопевца Архипа Перттунена. По знанию рун и по выразительности исполнения с ним не мог сравниться ни один рунопевец. Так были записаны более чем 1100 бесценных строк. Вошли в Калевалу, естественно, не все. Когда Лённрот не мог путешествовать лично, другой энтузиаст, Даниэль Европеус, помогал ему по мере сил. Порой они путешествовали вместе. Публикация «Новой Калевалы» в том виде, в котором она известна всему миру, состоялась в 1849 году. Интерес публики был огромен. Вот только эта

публика состояла не из тех, кто надиктовывал руны или жил в сельской глубинке, а из «шведской» интеллигенции и заинтересовавшихся иностранцев. Если бы "Калевала" осталась в рамках Финляндии, повальной моды на изучение «финского» и многочисленных переводов не случилось бы.

Первая половина XIX века в Финляндии проходила в «борьбе за язык». Горячо обсуждались такие вопросы, которые никогда не вызывает цельный существующий язык народа: можно ли финский усовершенствовать до такой степени, чтобы пользоваться им не только на бытовом уровне? Некоторые представители интеллигенции считали, что мысль о придании финскому языку статуса официального - слишком смелая и малореальная. В середине 1840-х годов философ и общественный деятель Юхан Вильгельм Снельман, идеолог финского национального движения, выдвинул лозунг: "Один народ, один язык". Движущей силой проведения этого принципа в жизнь стало студенчество, среди которого он активно пропагандировал свою замечательную идею.

Но и среди тех, кто ратовал за совершенствование финского языка, были разногласия по поводу того, какие языковые формы следует использовать для его основы. Кто-то ратовал за западные диалекты, кто-то - за диалект саво, были и те, кто считал, что единый литературный язык ни к чему, и каждый имеет право пользоваться любым диалектом. Попытки опубликовать всё новые и новые варианты словарей после выхода в свет как первой, так и второй «Калевалы», были многочисленными, но безуспешными: словари устаревали, едва выйдя из печати. В итоге было принято решение «очистить», что возможно, от шведского влияния (600 лет влияния – это очень серьёзный срок) и наполнить язык материалом из восточных «диалектов».

Но не только разнообразные словари не менее разнообразного «финского» вызвали споры. Средства развития языка были ничуть не меньшим

«камнем преткновения». Элиас Лённрот считал, что сначала следует зафиксировать грамматические правила, а уже потом говорить о языковой норме. И он был прав. Вот только и в грамматике не было единства по центральным вопросам. В результате публиковались и различные грамматические правила.

В предисловии к варианту «Калевалы» 1849 года Лённрот писал: "...вероятно, текст этого издания более не изменится, потому что, кажется, уже нельзя найти новых рун: все местности, где еще поют руны, тщательно исследованы". Да, текст "Новой Калевалы" стал каноническим. Но новые руны постоянно обнаруживались: и в Финляндии, и, особенно, в Карелии. С 1909 года по 1948 год финские филологи опубликовали многотомное собрание "Старые и новые руны Карелии", где были собраны и записи современников Лённрота, и более поздние. Карелия на долгие годы после публикации «Калевалы» сделалась местом паломничества как финнов, так и иностранцев, стремящихся почерпнуть из «народного источника». Несомненно, этому весьма способствовали и составление Лённротом словаря, и смена профессиональной деятельности: с врачебной на педагогическую. (С 1853 года Лённрот преподавал в Гельсингфорском университете, где поставил условие: из пяти часов в неделю один час преподавать финнам финский по-фински. И это было большим достижением).

Подобный ажиотаж собирательства был вполне естественным. Если есть язык, то на нём должна быть литература, тексты, и чем больше, тем лучше. Но задача по обогащению финского языка как словами, так и текстами, была сложной и долгой. Даже в уже опубликованной «Калевале» оставались вопросы, на которые не было ответов. Один из центральных объектов «Калевалы» – сампо. В результате собственных исследований Лённрот приводил шесть различных объяснений «что же это такое сампо»: музыкальный инструмент, водяная мельница или

ручные жернова, идол или храм божества, торговый корабль, талисман или вся земля Суоми. Ни одно из этих толкований, по его мнению, не объясняло удовлетворительно то, что в народных рунах рассказывалось о сампо. Что совсем никак не помешало составлению самого эпоса.

«Выковать» финский оказалось ничуть не легче, чем выковать сампо. Особенно, если не знать, что же это за штука такая?

Большая разница

Уделив слишком много внимания вопросам финского языка, следовало бы уделить не меньше и карельскому. Вот только сложности с ним будут гораздо больше, чем с финским. Собственно-карельский не является литературным карельским, это общее название для ряда иногда совершенно непохожих друг на друга диалектов (таких, как паданский и кестеньгский), употребляемых к северу от линии Ребола-Кархумяки. То есть в карельском языке царит та же ситуация, которая некогда существовала в «финском». Причины те же (своей государственности нет, а сподвижник-собираатель карельского фольклора нечаянно подарил его финнам). Финны же, обогатив словарь большим количеством карельских слов, берут на себя смелость считать карельские диалекты... диалектами финского. Хотя, благодаря Лённроту, они стали гораздо лучше понимать карел, а карелы – их. Языки стали значительно ближе. Но корректное название – «Карело-финский эпос «Калевала». Составитель Лённрот» ушло в прошлое, по крайней мере, на международном уровне. С позиций официальной финской идеологии карельского языка вообще не существует.

По сути, карельский язык – это язык или группа

языков, на которых говорят от Ботнии до Беломорья и от Кольского полуострова до Москвы. При небольшом количестве носителей языка (70 тысяч и 53 из них в России) язык отличается колоссальным диалектным многообразием.

Классификационные различия между диалектами карельского более существенны, чем, например, между русским и украинским языками, или между мокшанским и эрзянским языками мордвы. Именно этой точки зрения придерживаются современные европейские лингвисты, выделяющие ливиковский и людиковский диалекты как отдельные прибалтийско-финские языки, и в общепринятой международной классификации им присвоены отдельные коды ISO.

В составе того, что считается... несуществующим, можно обнаружить 4 языка (собственно-карельский, тиверский, ливиковский и людиковский языки), 21 диалект в составе этих языков и 22 говора в составе диалектов.

Такое разнообразие родилось не в один день. Различные народы финно-угорской языковой группы некогда населяли пространство от Балтийского моря до Уральских гор. В начале 1-го тысячелетия нашей эры произошло разделение прибалтийско-финских языков, бывших до того, по всей видимости, диалектами единого праязыка из числа финно-угорских. На протяжении примерно пятисот лет выделились прафинский язык, разделившийся на диалекты суоми и хяме, пракарельский, ливский, водский, язык наровы, "прачудский", разделившийся позднее на языки веси, чуди белоглазой и чуди заволочской. К началу 2-го тысячелетия диалекты суоми и хяме стали самостоятельными языками, из карельского языка выделился самостоятельный ижорский язык и людиковский язык. Часть ливов, переселившись на окраинные земли Карелии, сформировала свой собственный язык – ливиковский.

Первое письменное упоминание о собственно карелах относится к последним десятилетиям VII

века и связано с конунгом данов Иваром Широкие Объятья, который потерпел поражение и был убит в местности, именуемой «Карельские заливы». Этот факт упоминается в «Деяниях данов» Саксона Грамматика и в «Саге об Инглингах». Под 874 годом в «Эгиль-саге» упоминается о походе карелов на квенов, в союзе с которыми выступили варяги, что, впрочем, квенам* не помогло: они были покорены карелами, некоторая их часть ушла с варягами, оставшиеся же послужили основой для формирования субэтноса приботнийской карелы. К началу XI века относится упоминание о Карельском княжестве в «Саге об Олафе Святом», норвежском короле. В IX-X веках карелы ассимилировали квенов в восточной Ботнии, и к началу 2-го тысячелетия карельский язык во множестве диалектов был распространен в пространстве от Ботнии и Лапландии до южного Приладожья, Беломорского Поморья и Приуралья, оставив на этих территориях след в виде характерных топонимов.

*Сегодня в Норвегии проживают «тоже квенны». Общая численность: около 20 000 человек. Одни источники сообщают, что половина из них говорит на саамском и половина – на финском, другие источники настаивают, что большинство квеннов говорят только на норвежском языке. Но это не те квенны, которые уходили с викингами. Самоназвание «квенны», вероятно, появилось по топониму «квен» на территории Норвегии. Современные «квенны» – потомки финских поселенцев, осевших на севере Норвегии в XVI столетии, через 600 лет после упомянутых событий. В XVII веке 1,5 тысячи финнов проникли в Норвегию для разработки лесных массивов в долине реки Гломмы. Постепенно они смешались с местным населением. Следующая, более крупная, волна финских эмигрантов появилась в Финмарке и Тромсе в XVIII—XIX веках. Здесь они смешались с норвежцами и саамами, дав начало норвежским квеннам как отдельной народности.

Возвращаясь в XIX век: из почти всего разнообразия языков и диалектов на территории финнов и карелов черпалась фактура для создания финского языка.

Если попытаться суммировать языки и диалекты карел (без говоров) и разделить на количество носителей, то в среднем получится менее 3 000 человек, говорящих на языке, который когда понятен сегодняшнему финну, а когда и нет. Учсть же утраченные языки и диалекты во время как финизации, так и русификации, сегодня не представляется возможным. Каким-то языком владели – 10 000, а другим – лишь 10 человек, да и те – последние. Некоторые языки и диалекты не участвовали в процессе создания финского как по причине территориальной удаленности от Финляндии и Карелии, так и ввиду их редкости.

Так же невозможно и полностью оценить вклад карелов в финский. «Калевала» здесь – не показатель. Из всего материала, который собрал сам Лённрот, в последний текст вошла едва ли треть. Из того, что собрали его современники, такие, как Европеус, что-то было использовано для дальнейших публикаций, а что-то и нет. Сколько, какого материала и на каких языках и диалектах было собрано, сколько его разошлось по ведущим учебным заведениям мира, и каково было его содержание, а что было признано и вовсе негодным для вхождения как в состав языка, так и в фольклорные сборники, – ещё один неизвестный фактор. И далеко не всё из собранного было понятно (как в примере с сампо) или получало пояснения, несмотря на вполне ясный смысл.

Вот лишь один пример, но весьма показательный: в районе Кольского полуострова побывали, собирая народное творчество, такие видные фигуры как Матиас Александр Кастрен и Даниэль Европеус (Танели). Напомню, что последний принимал самое

деятельное участие в сборе материала для «Калевалы», а на Кольском полуострове изучал йоканьский диалект. В 1836 году Карстен приезжал в Бабинский погост (саамское Аккала) вместе с самим Лённротом. Арвид Генец посещал эти же места всё с той же целью – сбор фольклора в 1876 году. Чем же увенчался сбор материала в таком «нахоженном» месте, и какие сведения получила любившая «Калевалу» общественность? Общественность изводила чернила в большом количестве, споря о местонахождении диковинной страны Похьелы.

Похьела, холодная страна, оказалась плодотворной почвой для измышлений. Куда только её не помещали на карте! Глава финской фольклорной школы К. Крон и его последователи особенно хотели видеть в песнях о борьбе Калевалы с Похьелой описание победоносных плаваний финских викингов в богатые земли. Похьелу отправляли и на остров Готланд, и на запад Балтики; сам Лённрот «видел» в Похьеле полулегендарную "Великую Биармию". Похьела, один из важных элементов повествования, подвергалась различным дешифровкам как некая мифическая область. Миф – это замечательно. Но

слово-то есть и его из руны-песни не выкинешь.

Похьела – древнее название Кольского полуострова, о чём знал и по сей день знает любой лопарь, и о чём могут сообщить местные жители Ковдорского района, где и находился тот самый Бабинский погост, исследованный и изученный как самим Лённротом, так и его сподвижниками и последователями. Это не единственный топоним, привезенный из экспедиций Лённрота и (или) Европеуса. «Сначала спустился в жилище мертвых и застрели там лебедя, что плавает в черных водах Туонелы». Гидроним «Тулома» жив и сегодня: эта река до сих пор течет по земле Похьелы. И лебеди там, кстати, тоже есть. И герои «Калевалы» из Карелии идут вполне естественным путём к саамам на Кольский полуостров к колдунье Лоухи, свататься. (Там же, через узкий залив расположено озеро Лоухи и одноименный посёлок). И если герои сражаются, то вынужденно, что отличает их от воинов-викингов. Но, похоже, финны ни разу не ходили этим путём (образованные шведами финны), а те собиратели фольклора, кто точно знал, что такое "Похьела", не хотели их разочаровывать. В итоге: на попытки породнить финских крестьян и охотников с викингами ушло больше времени и "чернил", чем на написание самой Калевалы. Процесс обоснования и теоретизирования был столь долгим и насыщенным, что и сегодня некоторые финны причисляют себя к скандинавским воинам.

«Учиться, учиться и еще раз учиться!»

12-летний мальчик Элиас Лённрот, поступив в школу, учил шведский: это было жизненно необходимо. В 1841 году врач и собиратель фольклора Элиас Лённрот счёл не менее необходимым составить большой шведско-финский словарь и поставил перед собой такую задачу. Словарь увидел свет почти сорок лет спустя – в 1880 году, за четыре года до смерти Лённрота, того человека, который «организовал» финский язык и облагодетельствовал не только

соотечественников. Теперь и иностранцы могли через посредничество хорошо известного шведского получить, наконец, наиболее полное представление о словарном составе финского... или того языка, каким его себе представлял Лённрот: включающем в себя различные диалекты, в том числе и из родственных языков, а также совершенно новые слова, которых ранее в финском не было, но которые потребовалось изобрести «с нуля».

Через "каких-то" 12 лет после выхода первого словаря очень даже «карело-финского» языка (если брать историю языка, а не политику) родился мальчик Джон Р. Толкин. Случилось это всего лишь (немножко сказочной мистики) через 8 лет после смерти великого Элиаса Лённрота. Еще через 8 лет Джон Руэл отправился в школу Короля Эдварда, где ему стали преподавать... финский язык. Вряд ли с 8-ми лет. Может, с 12-ти?... Тот самый язык, который самым потрясающим образом повлиял на его «индивидуальный вкус» к языкам, повлиял не только словарно, грамматически, но и в очень большой степени фонетически. Ниже, два аудио-файла:

1. Паули Ринне (носитель языка) читает «Калевалу» по-фински: [скачать](#) • прослушать
2. Профессор Толкин читает стихотворение на придуманном языке: [скачать](#) • прослушать

Профессор не скрывал своего очарования финским, даже подчеркивал данный факт. Вероятно, он не меньше был очарован и самим трудом Лённрота, поскольку во многом следовал его путём.

Времена дефицита

Почему вдруг в Британии решили преподавать финский, да еще детям? Язык княжества, входящего в состав Российской Империи? Возможно, упомянутый спор о родстве финского и готского сыграл свою роль.

Это лишь предположение на основе того, что готский также входил в языки, которые будущий профессор изучал в школе Короля Эдварда. Наибольшую роль сыграло, скорее всего, появление на свет «Калевалы».

Но если изучение готского языка, письменные источники которого существуют с 4-го века, представляется не таким уж сложным делом для англоговорящих учеников, то как преподавался свежесозданный финский, с его новыми утвержденными правилами? Вероятно, словарь Лённрота перевести успели. Из литературных произведений в те годы имелось несколько народных песен в сборнике «Кантелетар», изданном опять-таки Лённротом. Вряд ли использовались произведения Алексиса Киви, Минны Кант или Юхани Ахо и Карла Тавастшерна: некоторые были изданы до того, как был принят единый литературный канон языка. А свежие... сомнительно, чтобы в школу Короля Эдварда немедленно поступали по выходу из печати «Трудная година», «Патриот без отечества» или «Жена рабочего».

Но представляется вполне возможным поступление в библиотеку оригинальных фольклорных текстов. В любом случае, в своих воспоминаниях Толкин восхищается финской поэзией и ни единым словом не упоминает финскую прозу.

«Квенландия гобра!» (Да живёт вечно!)

Профессору Толкину повезло родиться после Элиаса Лённрота.

Язык квеня получил своё название хоть и с запозданием (название языка появилось намного позже самого языка), но, похоже, оно оказалось более чем точным. По крайней мере, оправданным.

Ни одно смешение народов не происходит без того, чтобы народы не передали друг другу хотя бы частично язык и сказания. В 9-м веке часть квенов ушла с викингами, впоследствии основавшими Исландию, а часть (значительно большая) слилась к 10-му веку с карелами. Первые известные сказания, в

которых упоминаются эльфы, относятся именно к Исландии. Эльфы из «Эдд», датируемых 12 и 13-м веком, уже сильно отличаются от более ранних прототипов. Но именно «более ранних» эльфов взял за образец Профессор. Сегодня уже невозможно сказать, кто кому поведал об «альфах»: викинги квенам или квены викингам Исландии. Я склоняюсь к последней гипотезе, поскольку смысловая наполненность древнескандинавского фольклора викингов-воинов нисколько не располагает к подобным типажам. По каким-то причинам альфы из «Эдд» не удовлетворяли эстетическим предпочтениям Профессора (хотя гномы и прочие существа вполне пригодились).

Осталось ли что-то из наследия квенов у карел, длительное время сохранявших устную традицию (которая, как ни странно, гораздо более живуча, чем письменная)? Этот вопрос тоже открыт. В сборники народной поэзии, песен-рун и в «Калевалу» вошло не всё, а лишь то, что соответствовало первоначальному замыслу Лённрота. Например, руна-песня о том, «Как Царь Иван-Грозный, переправляясь через реку, копейку потерял», попала в сборники советских исследователей карельского фольклора, что называется, по принципу «берем всё». И, действительно, брали то, что осталось и сохранилось. Лённрот собирал материал только о народных героях и только для финнов.

Профессор Толкин изучал старинный эпос, творил свои легенды, но использовал часть сказания древних скандинавов и тот же принцип слияния, что и Лённрот: «С миру по нитке – голому рубашка». Как в некоторые части «Сильмариллиона», так и в ВК вошли сюжеты из Беовульфа ("... Тогда Один послал Локи в страну черных альвов, и тот пришел к карлу по имени Андвари, жившему в воде в образе рыбы. Поймал его Локи и наложил выкуп: все золото, что тот хранил в скале. И когда они вошли в скалу, карлик вынес все золото, что у него было, и это было огромное богатство. Тут карлик смахнул себе под руку золотое колечко. Локи заметил это и велел отдать кольцо...»), из «Эдд», а также весьма значительное количество

имен, включая Гандальва, Мотрондира, Фунндина, Торина и прочих гномов. Фроди или Фрьодигар породили Фродо и Фредегара (Пузикса). Калевала, или сходные с ней варианты песен-рун, тоже вдохновляли Профессора, и Ильмаринен стал чертогом Ильмарин. Почему бы и не стать кузнецу Лённрота чертогом Толкина? (Тем более, что этот Ильмаринен выковал сампо, а никто не знает, что это такое).

Более того, вдохновившись языком, Профессор каким-то неведомым образом «вернул» в свои легенды многое из утраченного «Калевалой». Поистине неисповедимы пути влияния языков как придуманных, так и составленных или переделанных. Вот как высказался об утраченном и измененном П.М. Корявцев (безотносительно Толкина, конечно): «Кстати, для меня лично калевальские руны на карельском звучат гораздо более приятно слуху и мелодично, чем их лённротовские адаптации к литературному финскому. Кроме того, при переводе на финский были утрачены смысловые оттенки некоторых слов и понятий, которые существуют в карельском, а на финский дословно не переводятся, или не могут быть переведены без нарушения поэтического строя повествования. Ряд искажений и ошибок Лённрота как раз и был вызван тем, что он не владел карельским языком <...> и в ряде случаев не утруждал себя выяснением того, что конкретно имелось в виду, при использовании того или иного карельского слова, при том, что некоторые созвучные карельские и финские слова имеют достаточно различное значение.

В целом же, карельская народная поэзия калевальского цикла обнаруживает заметное количество параллелей со скандинавскими сагами, древнерусским эпосом, даже античной мифологией, во всяком случае - с некоторыми ее сюжетами. В "Калевале" есть действующие лица, которые легко

сопоставляются с такими персонажами из готского и славянского пантеона, как Торин, Фрейр, Бальдур, <...> и др., есть и аналог мирового дерева Иггдрасиль - великий дуб Vuarnu, и аналог волка Фенрира - волк Маналы». Полагаю, все согласятся с тем, что легенды об эльдар-квенди-квенах, говорящих на певучем квенья, как раз содержат все перечисленные атрибуты и не сводятся к примитивно-бытовому пониманию деревьев и волков.

Быть может, где-то и есть тексты, в которых упоминаются квенны на пути в Похьелу или из Похьелы, но науке они не известны. На каком языке говорили сами квенны? На каком-то, возможно, отдаленно родственном угорскому. Наличие этого народа определяется только по историческим источникам, а Профессор Толкин вряд ли столь скрупулёзно изучал историю региона, входившего то в Швецию, то (к началу работы над квенья) – в Российскую Империю (да и не было тогда многих сведений). Название самой местности «Квенланд» существует на карте Европы с давних пор, народ, именующий себя квенами и говорящий по-фински и саамски имеется. Но одного названия мало, чтобы,

создавая легенды для Англии, подытожить свою работу по языку, назвав народ эльфов квенами, а язык – квенья, да и саму страну – страной квеннов. Более того, усматривая связи с известной ему Финляндией, у Профессора кроме имени «Финвэ» в поздних вариантах появляется имя Финн (Finn): якобы так короля называл его народ на своем изменившемся языке. Нолдор также называются «народом Финна» - финнингами (Finningas). ([Подробнее об "Эльфах в именах" будет рассказано в следующем номере журнала](#)). Вряд ли соотечественники Толкина могли принять такую историю за «легендариум для Англии». Да и разжечь интерес англичан хоть к финнам, хоть к карелам, хоть к вепсам достаточно сложно. Они для этого слишком патриотичны.

И, однако же, Профессор пришёл именно к такому решению.

Стилистические приёмы, свойственные эпическим повествованиям, включение в состав произведений «волшебных сказок», доработка и изменение сюжетов известных источников свидетельствуют о вполне Лённротовском подходе в произведениях Толкина. На самом деле, это была, как указывалось выше, абсолютно нормальная практика создания или воссоздания эпоса тех лет.

Камень на камень...

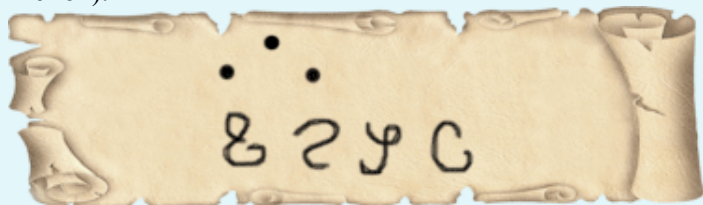
Пожалуй, остался лишь один аспект, который небезынтересен с точки зрения создания языка. Это письменность. Ни у финнов, ни у шведов, ни у прочих скандинавов не было округлых рун. Однако по всей территории Карелии стоят камни-указатели, так называемые дорожные. На них руны футарка соседствуют с другими рунами: округлыми, что говорит об использовании разных типов рун в одно время.

Обычно скругленные руны или буквы появляются в практике письма только тогда, когда появляется удобный носитель: вощёная дощечка, пергамент, бумага. Поскольку древними народами

Европы использовалось в качестве носителя либо дерево, либо кора, руны имели более удобную для начертания угловатую форму, которая долгое время сохранялась без изменений, как общепринятая.

Помимо камней есть еще кое-что: мастера-карелы клеймили свой товар. И товарные клейма (бывшие руны) сохранялись как традиция, несмотря на утрату смысла самих рун. Такая двойная система как футарк и неизвестные скругленные руны – тоже феномен Карелии и живших там карелов (и когда-то квенов).

Часть сводной таблицы знаков "карельских клейм" из доклада Д.А. Золотарева. (1923 год, Беломорский район)

"Золотарев рассматривал рунические надписи как некие "клейма", хотя сам же упомянул, что надписи, сделанные карельскими рунами, все еще (в начале XX века!) очень широко использовались при оформлении документов, в том числе и государственных, например, налоговых ведомостей во вполне советских органах - волостных исполкомах местных советов народных депутатов. Все еще практиковались залоговые и долговые расписки, выполнявшиеся "чертами и резами" на деревянных дощечках, причем рунами записывались не только фамилии сторон (это еще можно было трактовать как "клейма"), но и суммы долга, и некие дополнительные обстоятельства сделки. То есть, для жившего там карельского населения эти рунические надписи были совершенно адекватным, а главное - свободно читаемым текстом, поскольку речь шла о финансовых обязательствах и государственных повинностях. <...> Ранее, в XIX веке, по свидетельству этнографа П.Ефименко (П.С.Ефименко. Юридические

знаки. Опыт исследования по сравнительному обычному праву. Журнал министерства народного просвещения за 1874 г.), надписи карельскими рунами обоих типов использовались и в судопроизводстве, и при оформлении договорных отношений вообще, в том числе и на уровне земства. Золотарев отмечал существенно бОльшую сложность и разнообразие карельских рун, собранных и описанных Ефименко, по сравнению с тем, что удалось обнаружить и зарисовать ему. Возможно, это свидетельствовало о постепенной деградации традиции карельского рунического письма за прошедшие полвека". (Корявцев П.М. *Беседы о карельском языке. С-Пб.: 2008*)

Камень с карельской рунической надписью. о.Гольй.

Руны на одном из камней, найденных Ф.Н. Глинкой в Тверской Карелии. Все попытки дешифровки этих рун окончились провалом.

Взаимное проникновение готских рун и кириллицы приводило к результату следующего типа

(надпись на календарном посохе; по дереву карелы резали угловатыми рунами).

Надпись "OMA RANDA", выполнена символами, имеющими сходство одновременно с рунами и буквами латиницы и кириллицы (современная стилизация)

«Поскольку в настоящее время карельские руны никем не дешифрованы, а секрет их прочтения, судя по всему, утрачен окончательно, невозможно утверждать, являются ли те и другие руны двумя различными алфавитными системами или же это просто два варианта одного и того же алфавита. **Точно также, нельзя однозначно утверждать, являются ли надписи скругленными рунами на камнях вообще карельскими текстами, гипотетически они могут принадлежать любому другому народу и языку.**» (П.М. Корявцев).

Возвращаясь к языку, который так очаровал профессора... Назвать тот язык просто финским совершенно невозможно. Он нёс в себе историческое богатство карельской поэзии, наследие квенов и влияние финнов. И вдохновил, вполне закономерно, на создание нового языка – квенья. Но что еще вошло в состав квенья кроме того, что может точно опознать лингвист; кроме того, что можно отыскать для сравнения в современном финском? Быть может... (сказочно-легендарное допущение) среди огромного собрания книг Оксфордской библиотеки лежит листок с непонятными рунами? Или пара листов с записью неизвестного фольклориста, латиницей, на малопонятном, но таком похожем на «финский» диалекте? Примерно с такими словами: «Мир был предпет...» Или уже не лежит?

*Рекомендовать
[Оставить комментарий](#)*

сообщает, что, финикийский искатель приключений Гимилько проплыл на север вдоль побережья Иберии (Пиренейского полуострова) и достиг богатых оловом берегов Альбиона. В любом случае, были ли финикийцы на Альбионе или не были, они много чего завезли грекам, включая алфавит.

Вместе с буквами и товарами финикийцы привнесли и свои верования. Но если главные боги редко кочуют вместе с торговыми судами (они всё больше путешествуют с войсками), то мелкие зловредные духи (равно как и крысы, и экзотические заболевания) путешествуют вполне успешно, вторгаясь в жизнь граждан, не подозревающих об их зловредности. Эти верования и распространяются примерно так же, как эпидемии.

Зачастую достаточно лишь небольшого отличия от местного домового или шишиги, чтобы пантеон мелких духов обогатился новым «пакостником». В деле созданий поверий такая практика не изжила себя и сегодня. Не обошлось и без вечной человеческой привычки назначать ответственного за определенную сферу жизни или фронт работ даже во время расцвета Христианства. Разница образовалась лишь в том, что всевозможным многочисленным святым покровителям возносят молитвы и возжигают свечи, а во времена язычества духов-покровителей задабривали водой, едой и просьбами безо всяких свечек. Суть у тех и других разная, как и смысл деятельности и статус, но со стороны людей посыл один и тот же: без помощи тех, кто наделен сверхъестественными способностями, ну просто никуда.

С появлением Христианства ни пикси, ни прочие мелкие духи не исчезли, а перешли как наследие тёмного языческого прошлого в разряд бесовской силы. Так что не стоит забывать и о том, что ни один образ мелкого духа не является «чистым» или хоть как

-то близким к изначальному прототипу. То, что нам досталось от прежних веков в виде мифов, является почти конечным вариантом (процесс трансформации мифов не завершен и вряд ли когда остановится).

Совершенно невозможно точно сказать, чем именно занимались пикси у финикийцев. Есть лишь упоминания историков древности о том, что нос каждого финикийского корабля был украшен талисманом-оберегом в виде животного. Возможно, пикси когда-то были животными-талисманами.... Можно лишь предположить на основе деятельности и способностей этих духов-пикси, что какое-никакое, а отношение к лошадям они имели. Пройдясь по истории, пикси претерпели такую перековку, что финикийцы и не узнали бы в них своё «начало». Пожалуй, даже долгий путь от волка до чихуа-хуа был не столь извилист. Точных же сведений о мелких финикийских духах и бытовых поверьях не сохранилось: нет достаточного количества текстов. И.Ш. Шифман надеялся, что когда-нибудь будет найдено нечто столь же ценное, как глиняные таблички с клинописью или Розетский камень: «...Остается только выразить надежду, что раскопки в песках Сахары, в Сирии и в Ливане со временем откроют нам произведения финикийской литературы, что позволит поднять изучение финикийского языка на более высокую ступень». Не знаю, как насчёт Сирии и Ливана, а вот перекопать Сахару весьма проблематично. Так что мы еще очень не скоро узнаем, за какую-то такую сферу деятельности отвечали пикси и отвечали ли вообще. Зато можно найти родственников тех пикси, каковыми сегодня являются английские пикси. И искать их следует в Дании.

Пикси – «Так в Гемпшире называют духа, схожего с северным Брэгом из Данни. Кейтли в "Эльфийской мифологии" цитирует слова Капитана Гроуза: "В Гемпшире Пикси-Жеребчиком называют предполагаемого духа или эльфа, который в обличье лошади жеребцует, то есть ржёт и заводит лошадей в болота и т.п." В Сомерсете, однако, пикси-жеребчик, опять-таки в обличье жеребенка, — сторож садов,

который гоняет яблочных воришек». Смешение под именем эльфов как пикси, так и прочих созданий, о которых речь пойдёт ниже – очень английская традиция. Так что не удивляйтесь, но... «брэг еще и - один из проказливых, меняющих обличье **гоблинов**. Как ирландский Фука (Phooka), он часто принимает облик лошади. Живет он в Северных графствах, изобилующих **хобгоблинами**». Европа, конечно, не превзошла Британию и Ирландию в деле запутанности «кто есть кто», но и не очень-то от неё отстала.

В "Фольклоре Северных Графств" Уильям Хендерсон цитирует несколько сказок о Пиктри Брэге, рассказанных сэром Катбертом Шарпом в "Венке епархии". В этих сказках брэг также менял обличье. Этот «родной брат» пикси и всех «эльфов» мог быть ягненком с белым платочком, повязанным вокруг шеи, иногда — ослом; однажды он появился в виде четырех мужчин, несущих белую скатерть, а в другой раз — как голый человек без головы. «Одна пожилая леди рассказывала историю, случившуюся с ее дядей. У того был белый костюм, который постоянно приносил ему несчастье. Первый раз надев его, он встретил брэга, а в другой раз, возвращаясь домой с крестин в этом самом костюме, он снова встретил брэга. Дядя был храбрым человеком и прыгнул ему на спину: «Но Брэг начал так брыкаться, что дядя едва удержался на нем; и в конце концов тот забросил его на середину пруда и убежал, громко заржав и засмеявшись, совершенно как христианин, слово даю». **Катарин Бриггс "Эльфийский словарь" (Перевод Степан М.Печкин, 1998-2000) — Penguin Books, 1977**

Так что совершенно необязательно было встречаться с пикси или эльфом, или гоблином, как с мелким человечком, чтобы поверить в их существование на территории Британии или Европы, начиная со средних веков и до не такого уж давнего времени.

Люди в прежние века искренне верили в то, что брыкливая лошадь – спрайт-оборотень или пикси (он же – брэг), а мыши (в 17-м веке!) самозарождаются в грязных тряпках и старой ветоши. Чехи, как указывают старинные хроники, полагали, что те же мыши рождаются от грозы. Так что брыкливая лошадь – пустяк по сравнению с дивными мышами. И не стоит упускать из виду тот факт, что, наряду с жеребьячими замашками, днём пикси чаще всего ходят рядом с нами... в образе ежей. Так что ёж – тоже пикси (или стал таковым).

Вот эти дивные метаморфозы и приводят к тому самому пункту, с которого можно начать разговор и об эльфах с крылышками. А разгадка столь странных свойств волшебного народца проста: и пикси, и спрайты, и фэйри, и брэги, и гоблины, и хобгоблины – все они, прежде всего, духи.

О том, как трудно нынче быть оборотнем

Писатели-фантасты что только не придумывают, чтобы обрисовать страшный момент перекидывания человека в волка или волка в человека. Средневековый оборотень сегодня тоже стал мутировать, обретая сородичей не только среди псовых, но и среди кошачьих (барсы и пантеры особенно популярны). Режиссёры, снимая леденящие кровь кадры, тоже не остались в стороне: количество клоков шерсти, слизи, удлиняющиеся челюсти и прочий хоррор-антураж заставляют поверить, что быть оборотнем очень сложно, да еще и накладно (народ соберется с силами и с вилами и пойдёт

убивать бедолагу-оборотня). Разница между киношным и книжным оборотнем не так уж велика. В кино, тяготеющем к натурализму, оборотень в результате своих трансформаций оказывается голым, а в литературе (чтобы не сильно напрягаться всякий раз с повествованием) он далеко не всегда «гол, как сокол» и трансформируется туда-сюда вместе с одеждой. Однако все эти физические муки с телесными изменениями не доставляют удовольствия ни киношным, ни книжным оборотням.

Совсем иначе обстоит дело с оборотничеством у фэйри. Оборотень-фэйри был прежде всего духом, который вселялся в животное (растение, предмет). И животное могло быть самое разное, хотя у духов были свои предпочтения. Вот как у пикси: чаще всего в лошадь или в ёжика. Так что размер животного не имел значения: сам-то дух маленький и легкий. Хотя и ему порой бывало нелегко. Взять, к примеру, брауни. (Напомню, что он тоже из породы фэйри, чтобы образ с крылышками не затмевал тех фэйри, которые обходились порой и без крыльев). Брауни – аналог нашего домового, большой друг вышеописанных пикси. И если хозяева своим пренебрежением к покою

в семье доводили его до исступления своими скандалами, то мирный брауни мог от такой тяжелой жизни перевоплотиться в боггарта. А боггарт – это уже совсем другое дело (подобные существа известны в США под именем *боуги* или *боугимен*, в Шотландии их называли *богл*, в Германии — *боглеман*). Избавиться от боггарта можно, только переехав куда подальше. Этот тип домовёнка бьёт посуду, по ночам прикидывается чудовищем и по совместительству работает привидением. (Но и он – фэйри).

Все духи из фольклора грешат подобным оборотничеством, особенно на берегах туманного Альбиона. Фэйри и эльфы могут быть не только добрыми, но и злыми. Путают путников (пикси и тут не отстают), когда ответят правду, а когда и солгут, когда помогут, а когда и напакостят – совершенно непостоянные существа. Ввиду такого мнения о них, те из «дивного народца», что обитают вдали от удобных мест (в горах и под горами), отличаются еще худшим поведением. И чем мрачнее место, тем страшнее его обитатели – гоблины и хобгоблины: характер у них похуже, чем у обитателей сарая, конюшни, и уж всяко хуже, чем у жителей прекрасной лесной поляны.

Откуда растут уши и крылья

Уши у эльфа, как известно, острые. Профессор Толкин не слишком отошёл от традиции, просто выразился покоректнее: «листообразные». Однако он же настаивал на том, чтобы лишить наконец-то эльфов крылышек и вывести их из разряда насекомых вон и навсегда. Профессора можно понять: как знаток скандинавской мифологии, он прекрасно понимал, откуда – эльфы, откуда – крылья, откуда уши как у зверей, и как это всё срослось на территории родной ему Британии.

Обычно эволюция видов развивается плавно (хотя не исключается и теория скачков), но все же не так причудливо, как эволюция мифа. Ни один дарвинист еще не придумал, как скрестить обезьяну с орлом и выдать их потомство замуж за кашалота. Но в

становлении мифа это вполне возможно. Надо только собрать в одном месте требуемые ингредиенты и подождать пару сотен лет. А можно и не собирать, народ сам доставит требуемое по адресу.

«В Греции всё есть» (с). Сегодня, конечно, меньше, чем раньше, но были же и времена изобилия. «Они занимаются пряжей, тканьем, поют песни, пляшут на лугах под флейту, охотятся...» Еще играют на лютях, заманивают путников в глушь, соблазняют... Узнаете? Нет, это не эльфы. Это греческие нимфы – духи гор, ручьёв, гротов и всего прекрасного, журчащего, благоухающего. Римляне этих красоток не выбросили на свалку истории. Так в Британию попали: а) духи, б) прекрасные и соблазнительные, в) близкие к природе, г) те, которым надо приносить дары («алтари эльфов» сохранились кое-где до сих пор, правда, подарков туда уже не приносят), обладающие всеми свойствами, которые можно найти в прекрасных фэйри, в) из Скандинавии приплыло слово «альф», после чего все смешалось...

Размер нимф слегка пострадал от времени, что встречается в мифах сплошь и рядом, при попадании древних преданий в фольклор. Но здесь был повинен ещё и такой ингредиент, как «дух», он же – спрайт (каковыми – спрайтами – фэйри-эльфы Британии и являются). Не меньшую службу в этом деле сослужила Психея как олицетворение духа и души, а так же дыхания, что для греков, а потом и для римлян было тождественным. Она была не только такой, как её ваяли из мрамора, но и с крылышками. То есть бабочкой. Древние греки представляли себе души умерших чаще в виде бабочки, реже – в виде птицы. Так что в Греции, если Вы скажете, что поймали психею, Вас поймут правильно: все энтомологи ловят бабочек, то есть – психей.

Бабочки успешно размножились с незапамятных времен и поселились во многих верованиях народов (даже греки здесь не первые). Насекомые с

крылышками не так просты, как кажутся: образ Великой Богини восходит к древнейшим временам истории человечества, к палеолиту. Это верховное божество олицетворяло одновременно небо и землю, жизнь и смерть. С Великой Богиней ассоциировались птицы и летающие насекомые. Одним из насекомых, представлявших богиню, и была бабочка. Отсюда же и поверья о том, что ведьмы могут превращаться в бабочек, что бабочки способствуют зачатию и предвещают войну (например, римляне называли бабочку *feralis* — «свирепая»), что бабочки — это души умерших. У славян ночные бабочки – душа спящей ведьмы, которая вылетает ночью «на пакости» ввиду своей гадкой сути.

Дальнейшее развитие эта идея получила в представлении о том, что все вообще бабочки — это души, запозднившиеся на земле, иные навсегда, иные в ожидании ухода в чистилище. Поэтому любая случайно встреченная бабочка может оказаться душой родича или друга, и ее ни в коем случае нельзя убивать или наносить ей какой-либо вред. В Ниддердейле и Девоншире бабочек считают душами детей, которые умерли некрещеными и потому не могут попасть в рай. И если Вы подумаете, что пикси и прочие эльфы-фэйри далеко улетели от такого «образа», то ошибётесь:

«По некоторым источникам, пикси - духи детей, умерших до крещения; по другим -- это духи друидов или язычников, отошедших в мир иной до пришествия Христа, а потому не попавших ни в рай, ни в ад (рая они не заслуживают потому как язычники, а чтобы отправиться в ад, недостаточно много грешили)». Подробнее можно посмотреть, например, здесь:

http://putnik.nkorol.ru/franc/page_4.html.

Духам-фэйри, уж поскольку они именно духи, красивые крылья достались именно от этого поверья.

Сейчас сложно сказать, сами ли римляне, отправляясь захватывать Альбион, или уже получившие таких же крылатых духов, шедшие впереди римлян народы, принесли в Британию крылья для фэйри, но факт остаётся фактом: крылья эльфов выросли раньше самих преданий об эльфах на Британских островах. А образ духа-бабочки оказался настолько живуч, что перекочевал и в Христианство как символ воскресения души и тела и присутствует на многих полотнах художников средневековья.

Уши... уши поначалу росли из той же греческой мифологии. У наяд и дриад в лесах и полях царило не чисто женское общество. Половину популяции природных духов составляли не менее веселые, поющие, пьющие, лесные божества и демоны плодородия – сатиры. На большинстве полотен христианских художников они очень по-эльфийски остроухи. Именно христианство явилось причиной становления остроухости. Языческое, а значит, греховное и мерзостное, должно было искореняться. Прежние божества и полубожества были признаны несостоятельными, полуживотными, и пополнили «пантеон ада». Сатир и чёрт в изображениях христианских художников – близнецы-братья. Остроухость, как животная черта, приписывалась всем бесам, в разряд которых попали заодно и все духи, включая фэйри и цветочных эльфиков. Миф впитал в себя очередное новшество, но от этого не перестал был противоречивым, что и свойственно мифу. Поэтому эльфы Британии то с крылышками и мелкие, то умудряются подменить ребенка человека на своего, а матери еще и сомневаются: подменишь или нет. Ну

кто бы усомнился, если бы в люльке оказалось существо, которое и в пеленках-то не сразу найдёшь, да еще и с крыльями? То они остроухи по более поздней традиции, то вовсе не имеют такого свойства: ни альфар, ни альвы, ни дети Богини Дану не имели подобного признака.

Альвы... Альвы-эльфы прибыли из скандинавских мифов вместе с викингами и их богом Один. Альвы и альфар скандинавов изначально не отличались размером от человека и не были злобными карликами, и уж тем более чьими-то (человеческими) душами, не вселялись и не воплощались таким образом в ежах и прочих животных. И как говорится во многих сказаниях и преданиях, их порой принимали не только за красивых людей, так еще и некоторые европейские дворы числили их в своих предках. В этом раздвоении европейская и британская мифология сохраняют одновременно и источник легенды, и его последующую трансформацию. К слову об ушах: те самые гордящиеся эльфийским происхождением монархи демонстрировали якобы эльфийские реликвии (такие, как расшитое эльфами полотнище), но никак не уши.

Прямое значение слова «эльф» в Британии до сих пор не утрачено, а вот смысл его был давно размыт. Попадая к тем, кто ранее не имел преданий о некоем народе, новое слово вписывалось в то место, которое наиболее соответствовало представлению о «дивном, удивительном, волшебном народе» или «народце». Свидетельством такого переноса обычно служит дублирование, как, например, «тельвиг тег» наряду с эльфами и фэйри-спрайтами Британии, между которыми сложно провести границу. Даже в словаре эти слова стоят как синонимы, «эльфы» Британии отличаются от графства к графству: то входят все вместе (с гномами) в понятие «пикси», то пикси с гномами и гоблинами входят в понятие «эльфы», и все они вместе – в «спрайты».

Что же до самого слова, то ни в одной из версий его происхождения: от «Альб» - «Белый» или от валлийского или ирландского «ellyl»/«aillil» — «сияющий», восходя к шумерскому «ellu» (тоже «сияющий»), - ничто не намекает ни на свойства насекомых, ни на крылья, ни на подземных карликов. Если возводить этимологически к шумерскому корню, то «ellu» будут весьма близки к альвам из ранней германо-скандинавской мифологии, поскольку и то и другое слово, помимо «сияния-света» несет и значения «божества» (прекрасного во всех отношениях). И чем позднее миф, тем мельче эльфы и тем страшнее и чернее те же гоблины, причисленные к фэйри.

Может, и имело бы смысл поискать истоки у шумеров, но это даже сложнее, чем перекапывать пустыню Сахару в поисках «пикси финикийцев». Наличие в Британии двух типов эльфов, вполне человекообразных (родом из древних сказаний), а также насекомоподобных духов-спрайтов, свидетельствует в первую очередь о привнесении на острова предания о некоем народе, но никак не точного представления о нём. Так что как бы там ни хотел Профессор Толкин, но эльфы вряд ли посещали Британию лично. Если же говорить об эльфах как о народе, некогда едином, о котором у современников были весьма чёткие представления, то можно лишь приблизительно установить, когда эти представления

стали стираться, а с самим народом люди перестали контактировать. Несмотря на упоминания об эльфах в средние века и сравнения их с людьми, а также на заявления некоторых монархов, что их род берет начало от брака некоего человека и «феи», разброс в описаниях указывает, что уже ко времени Эдд (записанных) эльфы долгие века жили лишь в мифах.

В сущности, всех пикси, гоблинов, хобгоблинов, брэгов и иже с ними можно без особого труда соотнести со славянским пантеоном мелких и средних духов: овишников, баенников, домовых, шишиг, мавок, а также леших, русалок, водяных и болотников. Из всех отличий в образе этой мелкой «нечисти» сыщется разве что иной гардероб: вместо колпака – трюх, вместо сапожек – лапти, а размер духов и способы общения с ними (оставляемая еда, обращение к духам леса) останутся теми же, равно как и приписываемые им свойства (то помогать, то безобразничать). Британские фэйри и спрайты отличаются лишь обобщающим названием, но включают в свой список всех вышеупомянутых «духов». Тем же останется и ход трансформации мифа, когда представления о народе, жившем или в гармонии с природой, или же просто не в конфликте с ней, о народе, не испытывавшем страха или достаточно защищенном (что тоже воспринимается как гармония), сливается с образом духов природы, которых наделяют особыми свойствами, боятся и получают... лешего. (Или множество очень разных леших). В Британии заимствованное слово «эльф» стало употребляться для обозначения всех этих существ. Поэтому, рассматривая фольклор туманного Альбиона на предмет эльфов, стоит помнить, что слово-то есть, а вот его смысл... По британским меркам наш леший – тоже эльф (пикси).

Хор леших имени Трандуила

Если сегодня попросить ребенка нарисовать лешего из сказки, то вариантов будет не так уж много. Как минимум – будет нарисован пенёк, как максимум – нечто вроде энта. Да и взрослые полагают, что образ

лешего таким всегда и был. А если и был другим, то очень-очень давно и неизвестно каким. Хотя... Каким ему быть? Всю жизнь в лесу, мохом зарос, путников с дороги сбивает – мифическая нечисть. Такое существо просто не может существовать, а верить в него в век космических полётов – сущая глупость. Как ни странно, но леший из сказок как раз-таки до века космических полётов не очень-то напоминал бродячий пенёк или мужичка, который прикидывается мухомором и именуется в сказках «старичок–лесовичок». Меньше, чем за сотню лет образ лешего (др. русский. современный аналог - «лесной») не только претерпел трансформацию («в пень», но еще и «лесовик» (главный над всеми «лесными») уменьшился до грибного размера. Правда, вместе с тем, леший все-таки успел срастись с лесным духом, претерпеть влияние Христианства, а то, что получилось, очень напоминает противоречивые описания фэйри-эльфов в Британии. Сравните: «Еще сильнее карает леший за произнесение проклятий, и если случится, например, что роженица, потерявши в муках родов всякое терпение, проклянет себя и ребенка, то ребенок считается собственностью лешего - сразу, как только замер последний звук произнесенного проклятия. Обещанного ему ребенка леший уносит в лес тотчас по рождении, подкладывая вместо него «лесное детище» - болезненное и беспокойное. Если же каким-нибудь чудом зачатого ребенка успеют окрестить ранее, так что взять его сразу нельзя, то леший ждет до семи лет отрочества и тогда сманивает его в лес (лешему дана одна минута в сутки, когда он может сманить человека)». Чем не эльфийский подмышш?

Но наряду со всякими волшебными свойствами «обернуться пнем или птицей», есть и такие:

«Как-то раз пошли на охоту трое бывалых охотников, а с ними парень молодой попросился, поучиться охотничьему ремеслу. Охотники, как

водится, люди разговорчивые, начали учить новичка уму-разуму. Первое дело в лесу, говорят, - лесового, хозяина уважить. Он тоже по тропам людским ходит, и потому на тропе нельзя располагаться на ночлег. <...>

В тот день припозднились они на охоте и легли спать, как на грех, возле тропы, от усталости даже не загасив костра. Только глаза сомкнули - соловей вдруг защелкал, а в августе какие же соловьи? Они в июне петь перестают! А потом поблизости затянули вдруг козлиными голосами:

- Ой да кали-инушка, Размали-инушка...

И так голосили часа полтора, до восхода луны. Разве уснешь?!

- Ну так что, паря, веришь теперь в лесового? - говорят старшие. - Дальше хуже будет. Давайте-ка место ночлега менять, подальше в чащобу от найденной тропы.

Начал наш храбрец упираться: вы-де поступайте, как знаете, а я отсюда ни ногой! Пришлось его силком уволакивать от тропы.

И вовремя! Буквально через минуту пронеслась по тропе тройка коней вороных, а в телеге - чудища лохматые да косматые. Свистнул бич, и парень рухнул как подкошенный. Подняли его мужики, а у него через всю щеку рубец багровый от бича. А из лесу раздался хор козлиный:

- Хоть не робок ты, но ни в жисть На тропу хозяина не ложи-ись!»

Запись этого предания относится к концу 19-го века. Тут и «косматые»-длинноволосые «чудища», и человеческие песни, и «козлиные» (дьявольские, бесовские) голоса, и даже «тройка вороных» и телега. Чем дальше в историю, тем меньше миф похож на сказку с волшебными существами. Когда-то лешие даже грамоте разумели: «В стародавние времена пастухи в начале лета заключали с лешим договор: молоко из коров не высасывать, скотину в болота не загонять и т. д. Если договор нарушался, писали на обидчика жалобу на широкой доске и подвешивали к дуплистому дереву в чащобе - пусть Дед Лесовик разберется». Так что, еще совсем недавно, по историческим меркам, некий мужик в «кафтани, застегнутом на другую сторону», управляющий тройкой лошадей, разъезжающий по лесным дорогам, ничем не напоминал замшелый пенёк. Более полную информацию о самых разнообразных качествах лесных обитателей и их сходстве с человеком можно найти здесь: <http://www.claw.ru/a-legendy/6/354.html>

Но вернемся в Британию.

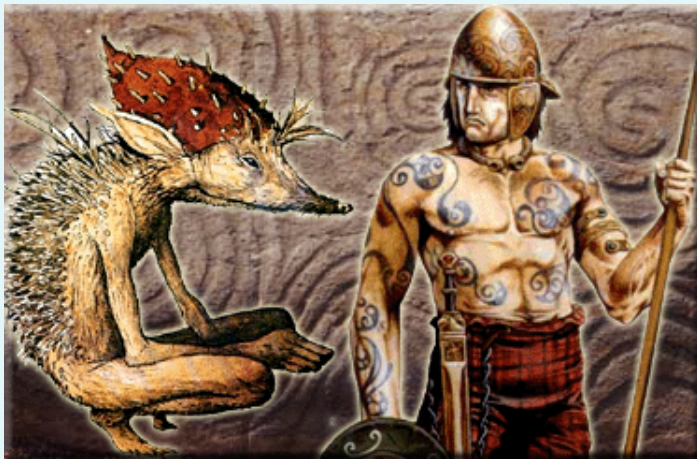
А также примкнувшие к ним пикты...

Скотты, бриты, норманны – целые эпохи в истории заселения Британских островов. Но кто же не помнит знаменитый «Вересковый мёд» и пиктов? Долгое время народная традиция связывала с пиктами сооружение самых разнообразных объектов, которые назывались "Стена пиктов", "Дорога пиктов",

"Крепость пиктов" и т. п. Всё, что было построено до прихода скоттов из Ирландии, приписывалось пиктам, особенно, когда пиктов не осталось как самостоятельного народа. Скотты были переселенцами из Ирландии, кельтами-гаэлами. Как оставшиеся в Ирландии ирландцы, так и переселенцы (ныне шотландцы) – суть одно и то же: изначально один народ. Потому и некоторые особенности мифов у них схожи, например: красный цвет считается традиционно цветом смерти и потустороннего мира, что имеет непосредственное отношение к данной теме.

Но и самые первые гаэлы не были первыми в Ирландии, как и ирландцы-скотты в Шотландии, где они основали своё королевство. Пришлые гаэльские племена долгое время жили вместе с пиктами (в Шотландии) и с круитни (в Ирландии). И легенды о племени богини Дану родились, скорее всего, не в самой Ирландии, а пришли вместе с первыми переселенцами-гаэлами ещё с континента. Основным в древних легендах (с точки зрения трансформации мифа) является не столько то, что это был за народ такой – дети богини Дану, а то, что этот народ покинул людей, ушел навсегда. Так племена Дану «ушли в холмы» по версии мифа. Большое количество

всего красного, символизирующего смерть в нарядах Дану-сидов, и сама «постройка»-холм, (не что иное, как могила) вступило в противоречие с дивностью легендарного народа и породило странное сочетание распрекрасной жизни в холмах. Фактически – в мире мёртвых. Когда именно гаэльские племена сталкивались с иным народом – неизвестно, да и сталкивались ли вообще? Известно лишь то, что традиция мифа отправила под землю... и пиктов вслед за Дану - сидами. Ибо пикты тоже «ушли», то есть, народ умер именно как отдельный народ.

Несмотря на сказания о «последних пиктах», народ пиктов не был истреблён. К тому же времени, что и сказания о полном уничтожении пиктов, относятся свидетельства историков о том, что шотландцы и пикты жили скорее как союзники, заключали браки и в итоге пикты... ассимилировались. Результат этой ассимиляции поистине потрясающ с точки зрения мифотворчества. В шотландском фольклоре пикты теперь часто представляются темной расой пигмеев или подземным народом и порой отождествляются с эльфами, брауни или фэйри. Дома пиктов - подземные сооружения, которые приписываются им, обнаруженные на восточном побережье Шотландии и на Оркнейских островах. И это - яркий образец того, как некогда вполне реальный народ, да еще и роднившийся с пришельцами, был переведён в разряд сначала не очень рослых, потом малорослых, а в итоге и вовсе в сказочных карликов, причём - темнокожих. Кто знает, не имейся в Британии брохи пиктов и подземные жилища, может быть, среди порхающих над цветами «эльфов» летали бы и пикты?

Что именно привнесли в мифологию пришельцев-потомков кельтов сами пикты, науке неизвестно. Да что угодно, вплоть до сказаний о дивном народе, который покинул местность, где когда-то жили пикты, иберийцы по происхождению, такие же переселенцы на Британские острова, как и многие после них.

Искать в Англии истоки преданий – занятие сложное, а порой и просто безнадежное. Но и на

континенте за проливом дела обстоят не многим лучше, и корни многих мифов уходят далеко в прошлое: к первым индоевропейцам или шумерам. Однако это не значит, что миф, нашедший отражение в фольклоре, безынтересен, поскольку многократно искажен. Напротив, для каждого, кто пытается разгадать его тайну, изучение этих «остатков прежней роскоши» станет не менее увлекательным, чем путешествие Томаса Лермонта в страну фей.

Рекомендовать
[Оставить комментарий](#)

"специалистов", черпающих знания по предмету исключительно из произведений Р.Р.Дж.Толкиена и пары-тройки других книжек. Однако традиция – и фольклорная, и эзотерическая – позволяет делать упомянутые выше отождествления. Ведь хорошо известно, что всем субъектам, так или иначе связанным с инореальностью, и эльфам в том числе, свойственен полиморфизм и склонность к оборотничеству: они легко изменяют облик и размеры, а также способны моментально материализовываться и развоплощаться, становясь невидимыми; они умеют мгновенно телепортироваться, летать и сколько угодно находиться под водой, свободно проходить через закрытые двери, толстые стены и любые иные преграды...

И от этих вещей не нужно отмахиваться. Ибо, как показывает практический опыт, теории "неверные" и "пагубные" получают такие ярлыки исключительно из-за банального непонимания и/или отсутствия веских и убедительных контраргументов. Но для того, чтобы изучить тот или иной вопрос, необходимо рассматривать ВСЕ теории и гипотезы, даже самые невероятные. Только так, путем синтеза знаний, по нашему глубочайшему убеждению, можно приблизиться к истине и разобраться в аспектах бытия потаенного народа эльфов.

И чтобы не быть голословными, а также всесторонне описать паранормальные способности эльфов, ниже мы приводим несколько цитат, взятых из замечательной книги "Эльфы в традиции и литературе" известной английской исследовательницы К. М. Бриггс.

***"И неверно, как то изменчивое сияние,
Наше непостоянное обличье,
То видишь рыцаря и даму,
А то вдруг карлика и обезьяну".
Вальтер Скотт***

Кэтрин Мэри Бриггс (1898-1980) – английская ученая и писательница, одна из крупнейших специалистов в области фольклора, автор ряда потрясающих научных работ, написанных на основании материалов, обретенных в ходе экспедиций по глухим отдаленным уголкам Британии и посещения самых маленьких островов, опроса очевидцев и контактеров, а также долгой и кропотливой работы в библиотеках и архивах. "Энциклопедические обзоры британских народных преданий, мистических традиций и историй о волшебном народе принесли К.М.Бриггс не только всемирную известность, но и прочно закрепили за ней звание ведущего эльфа XX века".

И вот что поведала об эльфах Кэтрин Бриггс...

1. Эльфы – оборотни

"Иногда они показываются безголовым медведем или огненным шаром".

"Очевидно, что существует две разновидности волшебных животных: <...> эльфы в животном обличьи; и домашние животные эльфов, отличающиеся от человеческого скота, часто во многом его превосходящие...".

"Уолтер Мэп добавляет <...> истинно эльфийскую историю, не лишенную сходства с "Возвращением Ойсина". К Херле, королю древней Британии, однажды явился странный человек, ростом с карлика, который ехал верхом на козле, сам имел козьи копыта и шерсть, как Пан...".

"Джек уже спешил домой в деревню, как вдруг увидел маленькую старушку в плаще с капюшоном, что сидела возле дороги, согнутая старостью и нездоровьем. Хотя Джек очень торопился, <...> он подошел к старушке и спросил, не может ли он чем-нибудь помочь ей. <...> Плащ и одежда старушки были темно-бурыми от грязи; но когда она встала, они, казалось, превратились в зеленые с красным, голубым и желтым, и ее лицо, все в морщинах, также

превратилось из бледно-желтого в румяное; полузакрытые серые глаза раскрылись, и два ярких сверкающих голубых глаза посмотрели на него. А потом все – и плащ, и капюшон, и платье, и лицо, и сморщенные коричневые руки – все медленно растворилось и уплыло в воздухе; и перед Джеком встала очаровательнейшая и изящнейшая маленькая леди, со светлыми льняными волосами, на которых лежал венок из маленьких цветочков. За спиной у нее была пара крылышек, похожих на крылья какой-нибудь прекрасной бабочки, под цвет которых было ее платье".

О подводном и воздушном бытии эльфов

"...Пещерные эльфы прокладывают в море под водой прямую дорогу от одного острова к другому, мощеную кораллами; но никто не может пройти по ней, кроме того, в чьих жилах течет эльфийская кровь. Рыбаки, возвращаясь поздно ночью домой, глядя вниз, часто видели, как эльфы гуляют по этим дорогам...".

"Джон Дэвис, как и Дрейтон, Волшебную Страну помещал в воздухе. "Пока на остров не пришло просвещение, – сказал он, – многие видели эльфов; теперь очень немногие могут их видеть. Но их на острове Мэн так же полно, как и везде. Они толпами роятся в воздухе, в темном Небе <...> Разных эльфов так же много, как разных людей в нашем мире. Я видел таких, которые были ростом в 2,5 фута; а другие были такие же высокие, как мы с вами. Я думаю, вот те, которые такие – это погибшие души людей, что умерли до Потопа. В Потопе утонул весь мир; но Дух, который Господь вдохнул в Адама, никогда не утонет, не сгорит, и его в море так же много, как на земле...".

"Но самым восхитительным и очаровательным из всего было то, что то и дело там и сям среди чаек попадались тоненькие светлые странствующие эльфы, танцующие на гребнях волн; их легкие прозрачные крылышки были испещрены золотыми и

разноцветными звездами, посверкивавшими на солнце; и Патер подумал, что это прекраснейшие создания из всех, которых он видел. Иные из них брались за руки и танцевали хороводом на гребне прилива, распевая прелестную песню, а иные тем временем играли прекрасную музыку на раковинах или постукивали двумя маленькими камешками в такт мелодии".

3. О маленьких эльфах и их способности изменять размеры

"Эльфы наших Островов имеют разный рост, привычки, предрасположенности и обличья, и обитают в разных местах, но, большие или маленькие, добрые и вредные, в большинстве своем – под землей".

"Эльфы <...> могут становиться большими или маленькими...".

"В трилогии "Властелин Колец" <...> эльфы достигают полной силы и действенности, но перед ними маячит умаление и исчезновение. После того, как судьбоносное Кольцо было уничтожено, некая часть эльфийской силы ушла вместе с ним...".

"Эльфы – <...> преимущественно Малый Народец". "...Это полностью соответствует кельтской народной традиции, и ирландской, и шотландской".

"В Корнуолле <...> эльфы, как правило, – народ малорослый и малочисленный, уменьшающийся...".

"Придя в себя, она [похищенная девушка Грэйс] обнаружила вокруг себя толпу низкорослого народца – те смеялись и радовались, что обзавелись

хорошенькой девушкой, которая будет печь и варить для них, а также приглядывать за их смертными детьми, которые, как они говорили, не так крепки, как сами они в былые дни, <...> жизнь у них неестественная и фальшивая <...>

– Ведь они, <...> не нашей веры, <...> но поклоняются звездам. Они не живут всегда вместе, как христиане и голуби; при их долговечности такое постоянство было бы для них томительно; по крайней мере, мелкий народец так думает.

Она рассказала ему также, что теперь уже несколько смирилась со своим состоянием, потому что научилась превращаться в маленькую птичку и летать..."

"Также и в Корнуолле бытуют истории об эльфийских холмах и веселых праздниках, происходивших на их вершинах. Наиболее известна история "Об эльфийском застолье на холме св. Юста", рассказанная в "Популярных романах Западных Графств" Ханта. <...> Рассказывается в ней о старом скряге, который, услышав о богатой утвари эльфов, <...> решил раздобыть себе что-нибудь из нее. Он отправился в полнолуние <...> на холм, <...> холм вдруг раскрылся, и тысячи эльфов хлынули из него <...> Из холма выходили отряды музыкантов, взводы солдат, а затем слуги, несшие всевозможные лакомства на золотых и серебряных блюдах; потом придворные лорды и леди вышли и заняли свои места, а за ними – эльфы-дети <...>; и наконец появились король и королева, которые подошли к столу, сверкая золотом, серебром и драгоценными камнями. На этом столе и остановились завидующие глаза скряги. Всю эту блистательную картину можно было накрыть шляпой, и он опустил ее на колени и нагнулся над столом. Музыка, пир и веселье продолжались беззаботно, пока скряга не поднял шляпу над головой, и тут вдруг все тысячи эльфов разом увидели его. Он бросил шляпу наземь, и в тот же миг свистнула дудка, огни погасли, и он почувствовал, как его вяжут тысячами веревок. Не успел он понять, что случилось, как уже лежал на

земле и не мог шевельнуть ни ногой, ни рукой. Его щипали, кололи, пинали и колотили. <...> Так он всю ночь пролежал без движения, а когда взошло солнце, порвал паутину, связывавшую его, и с позором побрел вниз по склону. Немало времени прошло прежде, чем он решился рассказать кому бы то ни было о том, что случилось с ним".

"Думали, что пикси уменьшаются и уменьшаются ростом, пока, в конце концов, совсем не исчезнут. Это свидетельство согласуется с такими сказками, как "Эльфийское селение на Селеновом болоте". Уменьшение пикси говорит о потере ими силы и объясняет, почему они так стремятся овладеть человеческими детьми, чтобы укрепить свою породу. Из историй леди Уайлд видно, что вера в эльфов как мертвецов широко распространена также и в Ирландии. На острове Мэн также предполагалось, что эльфы, или "Они", были духами утонувших во Всемирный Потоп".

"Свидетельство Дэвида Уильямса из Кармартена, мирового судьи <...>:

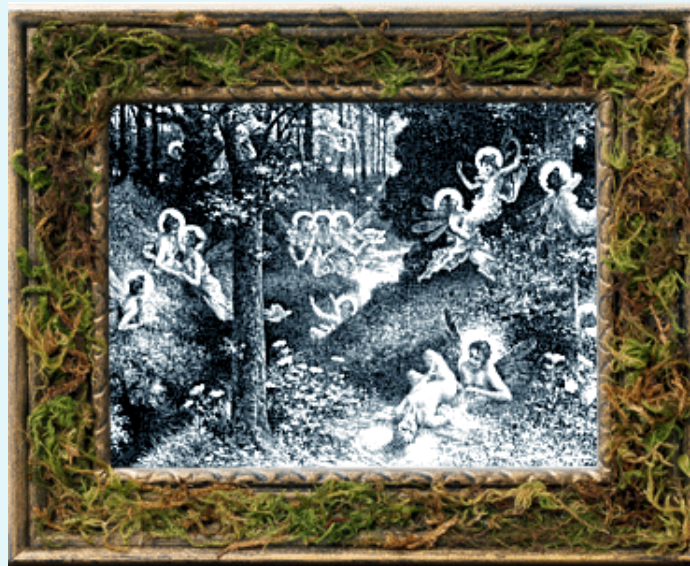
"Основное представление, насколько я помню, было такое, что Тильвит Тег были лишь гостями в нашем мире, и не жили на земле. Они были маленькие, лилипуты, и являлись всегда в белом. По ночам они часто танцевали в кругах на зеленых полях. Большинство из них было женского пола, хотя у них был король и, как намекает их название, они были красивы собой. Короля Тильвит Тег звали Гвидион аб Дон и Гвид, что говорит о темпераменте его натуры. Его дворец стоял среди камней и назывался Каэр Гвидион. Королеву его звали Гвенхиду. Я слышал, как моя мать называла маленькие пушистые облачка, появляющиеся в хорошую погоду, "овечками Гвенхиду" <...> Как существа воздушные, Тильвит Тег умели летать и перемещаться по воздуху по своей воле. Они занимают свое особое место в мироздании. Я никогда не слышал, чтобы они старились; и множатся ли они или нет, я не могу сказать. Характер у них почти всегда добрый".

"Альбион, <...> – украденный сын короля Британии, которого усы- пили настоем из тертой бузины и корней маргариток, а потом уменьшили до размеров эльфа. <...> Кенна [дочь короля эльфов Оберона] и ее любовь к Альбиону явилась причиной трагедии".

"В древней версии <...> истории Этайн была изначально эльфийской невестой короля Мидира, которую ревнивая соперница превратила в мошку; мошку проглотила смертная женщина, и Этайн переродилась среди людей. Мидир долго искал Этайн в верхнем мире, нашел ее замужем за королем Эохайдом и с помощью колдовства выиграл ее в шахматы. Этой версией пользуется Фиона Маклеод в "Бессмертном часе", и в ней изначально

право на Этайн принадлежит Мидиру, хотя и король Эохайд не виноват ни в чем. Чрезвычайно сложный способ, которым перерождались люди в древней Ирландии, затруднял жизнь всем. Письменная легенда сохранилась в устной традиции, и леди Уайлд записала образец ее с несколько смещенным фокусом, а именно – в рамках традиции пещерных эльфов, считающихся последними из Туата Де Дананн".

"...Поп говорит о волшебном любовнике, или инкубуса, как о сильфе <...> Если сильфы – это эльфы, то мы имеем здесь яркий пример эльфов с крыльями, возможно даже первый, хотя Брэнстон в "Забытых богах Англии" интерпретирует иллюстрацию в Утрехтской Псалтири* [Utrecht Psalter] IX в. как изображение пораженного эльфийской стрелой человека, которого окружают крылатые эльфы. <...> Они действительно очень похожи на ангелов на других иллюстрациях, но мне кажется, что они – изображение "illusiones" (в русском синодальном переводе псалма – "воспаления"), и могут быть как эльфами, так и чертями. Если мы откинем их, первыми могут считаться чертики с крыльями бабочек Де Ланкра <...>; но здесь, в XVIII в., это, несомненно, они".

"В "Tableau de l'Inconstance" Де Ланкра (1612) изображены черти с крыльями бабочек, предшественники эльфов XVIII в."

"Народная традиция Верхней Шотландии считает, что существует два вида эльфов, добрые и злые, и эта традиция безусловно внесла свою лепту в создание затейливых французских сказок о феях**, а также сказок, пришедших им на смену; добрые и злые феи там – главный механизм сюжета. В этом, как и в других аспектах этого типа сказок, видна связь с первородной традицией...".

"..Встречу [с эльфом] описала <...> для президент Женского Института в Веллингтоне. "Мы выехали на выходные в Корнуолл, моя дочь и я, и шли по извилистой аллее, как вдруг в калитке показался маленький зеленый человечек, который смотрел на нас. Во всем зеленом, в высоком капюшоне и с остроконечными ушами. Мы обе увидели его <...> и похолодели от страха. Мы бросились бежать вниз к парому. <...> Никто не сказал ни слова, но и за ненормальных нас никто не посчитал. Наверно, никогда в жизни я так не боялась".

"...Рассказ [одного из прихожан мистера Хокера] воспроизводит С.Бэринг-Гульд в "Викарии из Морвенстоу":

* Утрехтскую Псалтирь с иллюстрациями см. на <http://psalter.library.uu.nl>. Здесь идет речь о центральной композиции на иллюстрации к псалму XXXVII, с. 22r.

** Очень важное заключение. Т.к. согласно расхожему мнению, эта традиция была принесена в Британию с французскими сказками. Хотя, более вероятно, что соответствующие фольклорные предания развивались самостоятельно и на материке, и на островах, базируясь на общих более древних сведениях, постоянно подкрепляемых свидетельствами очевидцев и контактеров.

"Этот человек отправился на Страттонский рынок. По дороге домой, проходя мимо плотных изгородей, он вдруг увидел свет и услышал музыку и пение <...>, он увидел хоровод маленьких человечков, а на большой поганке сидел эльф с лампой из цветка колокольчика, откуда струился зеленовато-синий свет. Пикси танцевали, а он пел".

"В первом томе "Фольклорных Записей" напечатан рассказ об эльфах, которых видел банщик в Илкли-Уэллс. Это рассказал Чарльзу Смиуту Джон Добсон:

"В первом томе "Фольклорных Записей" напечатан рассказ об эльфах, которых видел банщик в Илкли-Уэллс. Это рассказал Чарльзу Смиуту Джон Добсон:

"Уильям Баттерфилд <...> всегда поутру первым делом открывал дверь, и делал это, не замечая ничего

необычного, до одного прекрасного тихого летнего утра. <...> Подойдя к источникам, он вынул из кармана <...> ключ и сунул его в скважину; но <...> ключ не открыл дверь, а лишь проворачивался и проворачивался в замке. <...> Тогда он решил открыть дверь силой, но едва он чуть-чуть приоткрыл дверь, как она тут же захлопнулась обратно. Наконец, решительным усилием он открыл ее настежь, и она распахнулась с громким стуком. И – фр-р! фр-р! что за шум! что за зрелище! – в воде купалось и плескалось множество маленьких существ, одетых в зеленое с головы до ног, ростом не выше восемнадцати дюймов, лопотавших и чирикавших что-то совершенно неразборчивое. <...> Купались они в одежде. <...> Они начали выходить из воды, шустро перелезая через стену, как белки. Увидев, что они готовятся сниматься, <...> банщик крикнул со всей мочи, – <...> "Эй, там!" И все племя понеслось прочь, кувыркаясь вверх тормашками, подсакивая и все это время лопоча, как потревоженный выводок куропадок".

"Люди, которым приходится путешествовать, до сих пор рассказывают о случайных столкновениях с эльфами. Одно из них, оставленное Уолтером Джонсоном в архивах Института Шотландии – об эльфе, виденном в Смо-Глене в Пертшире. Джонсон описывает его как "маленького зеленого человечка в сапожках с острыми носками, в шапочке, похожей на трубу от старинного граммофона, на голове". <...> Джонсон и его отец видели его на другом берегу ручья. Ветви раздвинулись, и он исчез".

"Более поздний очевидец эльфов [август 1922 года, Озерный Округ] <...> говорит:

"Эльфы веселятся и танцуют на небольшой площадке на другом берегу ручья <...>, одеты они в голубое; их крылья, почти овальной формы, не переставая трепещут – они танцуют, встав в круг и взявшись за руки. Некоторые носят длинные гирлянды, на которых висит какой-то инструмент, похожий на рог. Все закутаны тканью, скрывающей тело гораздо более полно, чем это обычно принято у

этих духов природы. Рост их приблизительно шесть дюймов".

Из приведенного выше материала видно, что не так уж были далеки от истины Шекспир, Йейтс, Чосер, Уолпол и прочие, писавшие о малютках эльфах и крылатых летунах. Ибо эльфы из их произведений совпадают со свидетельствами очевидцев и фольклорными преданиями. Существуют также фотографии, где удалось запечатлеть таких эльфиков, получивших широкую известность как "Эльфы из Коттингли". Однако сии материальные свидетельства, кои до сих пор еще никому не удалось опровергнуть, требуют более глубокого анализа и будут непременно нами рассмотрены в последующем.

4. Можно ли поймать маленького эльфа?

"Джон Эдлард написал короткую, но важную работу по эльфам у Вильяма Блэйка <...> Он прослеживает следы различных поверий и аллегории в произведениях Блэйка, с самого первого эльфа, которого Блэйк поймал в 1784 г., как бабочку, шляпой <...>

"Эльф, завоеванный таким грубым обращением, плачет, признает поэта повелителем эльфов и защищается, хотя и несколько невразумительно. Возможно, здесь Блэйк продолжает традицию, установленную магами, традицию, которой следовал Просперо и которая предписывает обращаться с духами грубо и повелительно, чтобы подчинить их себе. Блэйк постоянно советует ловить и сажать в клетки эльфов..."

"Блэйк обычно относился к эльфам как к стихийным существам, но его символические обращения к ним почти всегда имеют эротический подтекст, соединенный, как правило, с женским капризом и тщеславием, пробуждающим мужское желание. Эльфы как бы одновременно вызывают желание и отрицают его, как сиффы Попа в "Надругательстве над локоном".

"Можно увидеть, что концепция эльфов у Блэйка – целостная, но он явно оживляет темную сторону, и ту же тенденцию можно проследить в рисунках Фюзели..."

"В личных письмах Блэйка и в его разговорах он относился к эльфам более просто, как относился бы простой селянин, и, кажется, верил, что действительно видел их".

На этом мы заканчиваем перечисление британских народных преданий и свидетельств

относительно крылатых эльфов. Но хотелось бы хоть немножко разобраться с вопросом, кто же такие эти маленькие волшебные летающие человечки и как могут они изменять свой облик и размер? На этот вопрос Кэтрин Бриггс, вслед за многими свидетелями,

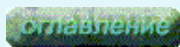
контактерами и источниками, дает предположительный ответ: "погибнувшие во время Потопа" предлюди, "слишком хорошие для ада, но и недостойные рая" – "природные духи", серые ангелы. Однако, как нам кажется, будучи связанными с этим миром, они обладают веской материальной составляющей, поддерживая которую, вынуждены расточать свои волшебные силы, коих становится все меньше и меньше с приближением конца времен, чем и обусловлено описанное выше прогрессивное уменьшение и ослабление представителей сокрытого народа.

Но, несмотря ни на что, эльфы и феи остаются достаточно сильными. Также они наделены многими талантами и умениями. Поэтому во все времена, дабы неограниченно пользоваться плодами их волшебных способностей, некоторые люди стремились тем или иным образом пленить этих существ. Но чисто механистически такого проделать практически невозможно. Помните, чем закончилась подобная попытка скряги? А вот при помощи некоторых магических приемов, в том числе и заклинательных, можно вполне. Так что, видимо, Блэйк использовал не только шляпу, когда поймал эльфа, "как бабочку"...

Приведенные здесь цитаты, а также многие другие, не менее интересные сведения об эльфах и феях, взяты из книги "Эльфы в традиции и литературе" Кэтрин М. Бриггс. Пер. с англ. С. Печкин. М. Арес. 2007. 192 с.

Данная книга представляет собой монументальный труд о волшебном народе Англии, включающий бесценную информацию практически о всех видах проявления фейри в нашем мире. Здесь собраны старинные народные предания и современные свидетельства о контактах людей с потаенным народом. В настоящей работе также проведен серьезный анализ литературных источников, повествующих о жителях Волшебной Страны.

Рекомендовать
[Оставить комментарий](#)

экономики и демографии. Именно поэтому, я не замахиваюсь на полновесное описание эльфийского общества, а ограничиваюсь только теми сведениями, которые лежат на поверхности. Они не так ценны, как многосторонний подход, но могут прибавить нам если не твердых знаний, то пищи для размышления.

Итак, здесь мы разберем такой социальный феномен, как закрытое общество применительно к эльфам. Еще раз подчеркиваю, что говорю не о толкиновских эльдар, и не о современных эльфах, а об эльфах из фольклора. Причем гипотезы о связи между ними я не касаюсь вообще, так как в противном случае мы запутаемся еще сильнее.

Я уже обмолвилась, что, по моему мнению, общество фольклорных эльфов – закрытое общество. Но само это словосочетание многим режет слух, и ассоциируется с мрачными картинами тоталитаризма и полицейского государства. Поэтому, прежде чем перейти к теоретическим построениям, я скажу несколько слов о закрытом обществе в социологическом определении этого слова.

Ни одна из гуманитарных наук не свободна от идеологии, это относится и к истории, и к философии, и к социологии. Но на степени научной достоверности это отразится неминуемо. Если говорить языком философских понятий, то объект постигается только субъективно, «глазами смотрящего». Этого не отрицали даже материалисты (скорее наоборот). Вспомним ленинское определение материи, как объективной реальности, данной в ощущении – мы опять упираемся в субъективность, как неотъемлемое свойство познания. Это в полной мере выражается в существующем стереотипе закрытого общества, как синониме социального зла, и открытого общества, как светоче демократии, толерантности, гласности - т.е. синониме социального добра. Такое представление есть умышленное или невольное искажение действительности, но оно вполне объяснимо с

позиций социальной психологии. Но для этой статьи, мы условимся, что понятие «закрытое общество» не несет никакой отрицательной смысловой нагрузки, и является совершенно безоценочным, нейтральным.

Что говорит о закрытом обществе его определение? По А. Бергсону, «закрытое общество», это общество, члены которого в своем жизненном поведении руководствуются навязываемыми социальной общностью моральными нормами и установленными нормами поведения. Они передаются обычаями и традициями в форме жестких предписаний или табу. В еще лучшем виде это передает понятие «традиционного общества». Если говорить наиболее коротко, то традиционное общество это «семья», а атомизированное – это «рынок». Причем, традиционное общество стремится не столько к прогрессу, сколько к сохранению своего состояния. Вот это уже полностью соответствует эльфийскому предназначению «хранителей», а не ярых реформаторов. Это не означает и крайнего, аскетического консерватизма, напротив, инновационная активность у эльфов вполне развита – к ней можно отнести и выраженное творческое начало. А творчеству не свойствен крайний консерватизм, как раз он противоречит его сущности. Я говорю о том, что если людям свойственно представление о прогрессе как о великом благе, имеющим самостоятельную ценность (только увидев плоды безудержного развития, в основном технического, это представление несколько потускнело), то эльфы не стремятся к прогрессу ради самого прогресса. Если они и прибегают к модернизации своего социума, то очевидно не революционным, а мягко-реформистским путем. Из этого хорошо просматривается одно из характерных свойств закрытого общества – представление о естественности и необходимости именно такого уклада.

Обратимся к имеющимся сведениям об эльфийском социуме.

Итак, эльфы живут, очевидно, родами или кланами, но можно предположить и наличие у них

сформировавшейся аристократии. Об этом часто говорят в легендах, да и та же история Томаса Лермонта служит этому подтверждением. Причем, человеческое понимание как первобытнообщинного так и феодального обществ здесь равно не подходит. Эльфийская культура, по видимому, оригинальна и самодостаточна, поэтому примерка человеческих образов здесь мало подходит. Я пользуюсь ей здесь с большой осторожностью. Клан, или род, как мы для удобства обозначаем эльфийскую социальную организацию, по-видимому, традиционны в своем укладе, и представляют собой что-то вроде коммуны, родовой общины или же общины территориальной – той, которая соединяет, сочетает индивидуальное и общинное хозяйство.

Община, как институт общественного строя, имеет множество достоинств. Она обеспечивает своих членов пищей, одеждой, в широком понимании – «очагом». Межличностные отношения в общине как правило положительны, направлены не на конкуренцию, а на помощь друг другу. Это естественно, так как во-первых, община представляется своими членами, как семья; во-вторых, без постоянной взаимопомощи невозможно выживание общины в простом, биологическом

понимании этого слова. Приведу обширную цитату из статьи Р. Вахитова, как раз об общине:

«Те же, кто добывает себе хлеб тяжелым физическим трудом, позволить себе этого (эгоизма *прим. Tolven*) не могут. Если, скажем, в голодный год крестьяне жили бы как обособленные фермеры и обособленные батраки, заботящиеся лишь о себе, а не как общинники, которые делятся своими запасами, то большинство их просто вымерло бы. Выжившие же тоже недолго бы праздновали победу, они не смогли бы долго прожить в таком ничтожном количестве, потеряв множество рабочей силы, специалистов и не будучи в силах обрабатывать опустевшие земли. Конечно, община способствует нравственному развитию, поскольку заставляет сдерживать эгоизм и конечно, легче жить в общине человеку незлобивому, неагрессивному, добродушному склонному к сотрудничеству с другими и община воспитывает в своих членах эти качества. Но и закоренелый эгоист тоже может жить и живет в общине, причем, даже не вполне изменяя своему эгоизму, исходя не из природного добродушия, которого у него нет, а из рационального расчета. Он ведь понимает, что часто достичь своей корыстной и индивидуалистической цели — сохранить свои индивидуальные жизнь и безопасность в трудной ситуации можно лишь сообща, вместе другими, делясь с ними и получая помощь от них. В этом смысле община построена в том числе и на эгоизме, только разумном, а не безграничном и затмевающим ум».

Община, как правило, гуманна к своим членам. В ней мы почти не найдем крайней, немотивированной жестокости по отношению к ее членам. Тирания и деспотия – приобретение уже государственного строя, а в общине они грозят простым вымиранием. Это, безусловно, не означает соблюдения в общине «прав человека (эльфа)» по современным правовым меркам. Современное европейское, шире – западное

правосознание отдает приоритет интересам личности, а не общества вообще или, тем более, государства. В общине же это мировоззрение не приживается, так как грозит самому ее существованию. Даже наиболее привилегированные члены общины скованы жесткими социальными ограничениями все по той же причине. Скорее всего, у эльфийской аристократии имеется немало прав и привилегий, но и ответственность их велика. Причем, она должна хорошо ими осознаваться и соблюдаться.

Теперь обратимся к недостаткам эльфийской общины. Причем, сразу оговорю, что эти недостатки во-первых, зависят от взгляда стороннего наблюдателя и субъективны, а во-вторых, не являются неким внешним злом, а вызваны самим строем социальной жизни.

Община всегда настороженно, а то и враждебно относится к чужакам. Это в полной мере относится к эльфам и отражено во многих народных представлениях и легендах. Так, прямо или косвенно говорится, что «добрые соседи» пришлых людей не любят. Здесь, на мой взгляд, имеют место два фактора. Первый заключается в том, что община всегда смотрит на других, как на нечто выражено чужое, порой даже угрожающее. В новейших (после 1950-го года) свидетельствах о встречах с эльфами часто присутствует мотив, когда эльфы просят людей не трогать их владений (скажем, при прокладке дороги) или вредят тем, кто нарушает границы их территории. Разумеется, в таком случае эльфийская настороженность к людям еще сильнее укрепляется. Не следует также забывать о тайне, в которой живут эльфы. Она не всегда бывает абсолютной, иначе бы эльфы не попадались людям на глаза, и уж точно не вступали бы ни в какие контакты. Но тем не менее, существования в секрете эльфы придерживались с незапамятных времен и продолжают придерживаться.

Второй момент тесно связан с первым – любой род тщательно охраняет свою землю и собственность вообще. Это в полной мере проявляется и у различных человеческих племен. Причем, начиная от государства, неизменно охраняющего свои границы, заканчивая

деловыми коллективами, члены которого довольно долго изучают работника-новичка. То же самое мы видим во всех легендах об эльфах. У них, как и у любой общины, коллектива, есть твердое представление о своей территории, которое никак не связано с законодательным определением границ земельных участков.

Именно это неприятие чужого присутствия и влияния, выраженное в сильной степени, и отличает закрытые общества от открытых. Закрытое общество, это всегда общество с тяжелым замком на своих дверях, или с «железным занавесом», если такое сравнение ближе. Как я уже писала, говоря о тайном образе жизни эльфов, оно неминуемо влияет на сознание членов общины. Обращенность внутрь социального образования не всегда зло, но и не всегда благо. Так, развитие крайне закрытого общества всегда замедленно, ввиду отсутствия именно контактов с представителями других социумов и невозможности их сравнения. Не из-за этого ли некоторые легенды говорят о похищении эльфами мудрых и ученых людей? О детерминантах этого процесса и его двойственности я писала выше.

Второй чертой эльфийского общества, которую можно определить как недостаток является жесткость поведенческих стандартов и сильное давление этого общества на личность. Здесь меня могут упрекнуть в непоследовательности, так как немногим выше я писала о гуманности общины к своим членам. Это противоречие кажущееся. Община действительно гуманна, излишняя, можно сказать деструктивная жестокость в ней недопустима. Тирании и деспотии в государстве, пусть и древнем могли существовать подолгу, в общине же они не продержатся и полувека – община вымрет, или поставит себя в условия крайней тяжести существования. Но в случае необходимости община могла быть очень суровой по отношению к своим членам. Если проводить параллели с человеческим миром, то у нас всегда и повсеместно существовал обычай убийства стариков – те не могли приносить пользу племени, но потребляли пищу, которой не хватало остальным. Об этом обычае

знает каждый. Но многим неизвестно, что существовал он не только у первобытных племен, но и во вполне исторические времена, причем практически по соседству.

В словаре Брокгауза и Ефрона по этому поводу написано, что о существовании этого обычая у балтийских славян имеется свидетельство о том, что некто Шуленберг спас одного старика из рук его односельчан, которые собирались отправить его «к богу», и этот старик, приставленный им привратником к замку, прожил после этого еще 20 лет. (Заметьте, речь идет не о представителях первобытного племени!) Постепенно этот обычай изживался, легенды многих народов, повествуют о том, как люди научились ценить мудрость и опыт стариков. Убийство старого человека стало считаться тяжким и недостойным преступлением. Но вот выражение «Скала Стариков» слышал каждый. Я, конечно, не приписываю эльфам истребления своих старцев, их этнос для этого слишком малочислен, да и мораль высока. Но есть у меня тень подозрения, что не просто так эльфы порой подменивали человеческих младенцев на своих стариков. Или это развлечение эльфийских пенсионеров? Впрочем, я отдаю себе отчет, что это только подозрение, причем не имеющее доказательств.

Есть у меня и еще одно подозрение о возможной суровости в эльфийской общине, и основывается оно на том же явлении подмены детей, о котором я писала в одном из прошлых постов. Леди Уайльд в «Древних легендах Ирландии» описывала случай, когда мать-эльфийка пришла в людской дом в поисках своего ребенка, и увидев его в детской кроватке обрадовалась: «- Ведь это мой ребенок, которого украли у меня, потому что мой народ решил забрать вашего красавчика; но мне-то нужен мой собственный! Если вы отдадите мне его, я научу вас, как вернуть ваше дитя». Я уже говорила о том, что такой поступок, а

кража дитя у матери вещь серьезная, мог быть продиктован как раз необходимостью. Возможно, что эльфийские подкидыши из легенд, уродливые и слабоумные, подбрасывались людям из-за того, что община не могла позволить себе растить неполноценных детей. Если мы представим себе лишенную прикрас картину натурального хозяйства, то не будем слишком осуждать наших «добрых соседей» за жестокость.

И во всех случаях суровость общины обусловлена не личной жестокостью ее членов, а насущной, жизненной необходимостью. К тому же, я могу предположить, что эльфы не допускают внутри своего общества эксцессов, связанных с правилами рода. Им присуще многовековое этническое самосознание, которое выводит на первый план самодисциплину и препятствует появлению асоциальных наклонностей. Грубо говоря, эльфы, по всей видимости, не склонны к анархическим и бунтарским замашкам, отчего общине нет нужды прибегать к карательным мерам. Это гармоничное общество.

Вторым фактором смягчения давления рода является, несомненно высокая культура эльфов. Это не крестьяне, не прочитавшие ни одной книги, и не городские обыватели Средних Веков. История показывает, что эльфы знали книги, само оформление которых было произведением искусства, изготавливали выдающиеся в художественном плане предметы быта – скажем, чаши. А просвещенное общество всегда смягчает свои нравы, обращается к личности, ценит индивидуальную свободу и самовыражение.

К тому же, надо полагать, что сословное угнетение в эльфийском этносе если и присутствует, то в самых мягких формах. Нет общества без власти, но она бывает разной. Я, скажем, не могу себе представить в эльфийском роду все ужасы средневекового феодализма, или рабовладельчества.

Эти две основные черты предполагаемой эльфийской общины – взаимовыручка и одновременно строгость внутри социума, с не самым дружественным отношением во внешних связях и являются основными для формирования представления о ней.

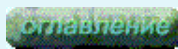
Конечно, для полноценного суждения об общественной жизни эльфов этих сведений исчезающе мало. Но уже по ним можно судить о каких-то чертах самосознания эльфов. Во-первых, можно сказать, что эльфийское общество это этническая община, тайно или просто скрытно обитающая либо на Земле, либо в параллельном мире (в этой статье я отталкивалась от первого предположения). Это формирует у эльфов специфический тип самосознания, связанный с хранением сакральных тайн своего народа (см. предыдущий пост). Как и любая община она характеризуется родственными отношениями среди своих членов, выраженным чувством товарищества. Но при этом, судя по всему, отличается настроенным, а то и враждебным отношением к пришлым, суровостью социальных правил, доминанте общинных интересов над интересами конкретного эльфа.

Здесь я сразу оговорюсь, что нельзя полностью применить мерки человеческой общины на эльфийскую. О ней мы знаем крайне мало, да и этнический характер этой общины сильно отличается от привычного нам.

Но как бы мы не пытались составить представление об эльфийском обществе, мы столкнемся с проблемой хронологического подхода. Эльфийский этнос, как и любой другой, существует во времени, и изменяется с его течением. Но судить о степени и характере таких перемен крайне сложно – у нас попросту недостаточно сведений.

Вот так странно и противоречиво выглядят обобщенные представления о фольклорных эльфах в зеркале этнографии, а точнее социологии. Впрочем, если когда-нибудь официальная наука признает существование иных, кроме человека, разумных существ на земле, то впору будет создавать отдельную науку для изучения их обществ и этносов.

Рекомендовать
[Оставить комментарий](#)

обязательно вернётся на Кэр-Дэвайю. Сначала пролетят первые, самые тяжкие, четыре месяца воюющих непрестанно ураганов, метелей и снегопадов, затем на ещё три месяца плюс-минус девять, а то и все тринадцать, дней установятся жесточайшие, вымораживающие любой намёк на жизнь, холода. В замыкающий Студёное Ненастье месяц окончательно появившееся из-за горизонта солнце отгонит стужу и слегка подтопит верхний снежный покров на равнинах и кое-где на вершинах низких гор. Толстенный ледовый панцирь на уснувших реках нехотя треснет и начнёт готовиться к более масштабному весеннему разрушению. Воды очнутя и шумно понесут осколки этого панциря к океанам.

Пока же снежная крупа сыпет дни и ночи, царапая навес, натянутый над входом в келью. Иногда снега выпадает так много, что путь наружу становится сущей пыткой из-за наметённых сугробов.

Отец Сергей на ощупь отыскал на известной полке, в картонной коробке, заранее припасённую свечу и привычно зажгёт её. Восторжествовавшая было тьма недовольно отползла прочь и очерилась, давая сим понять, что реванша не миновать, ибо свечей оставалось немного. Прошлая весна была голодной и слякотной. С неба то лил дождь вперемежку со снегом, то ударяли морозцы. Потому и "угрей" в реке было очень мало. Максимум, на что пришлось рассчитывать – крайне скудный запас сушёного "мяса" и совсем чуть-чуть подкожного "сала", вполне пригодного для изготовления свечей.

Кэр-Дэвайя - окраинная планета внешнего кольца системы Кора, открытая исследовательской миссией Климента Исаврийского, стартовавшей с орбиты Никомедии в начале правления Базилевса Никифора XII Гелиана. Более трёх столетий тому назад его предки, положившие начало роду Гелианов, наголову разгромили армады Шай-Ойо близ пламенеющей короны Ригеля. Эта славная и грандиозная победа по

праву вошла во все "Стратегиконы" и иные учебно-тактические симуляторы Вселенского Ромейского Имперуума.

На бурной, постоянно переменчивой Кэр-Дэвайе отец Сергей обосновался пять с половиной стандартных староземных лет назад. Отправился туда сознательно, зная, что его ждёт впереди. Грузовой корабль, шедший в Скифские Пограничные Анклавы с трюмами, доверху набитыми оборудованием для терраформирования и компонентами для монтирования Нуль-пространственных приёмно-стартовых порталов, высадил его там в спасательной капсуле, щедро снабдив всем необходимым для более-менее нормального выживания в открыто недружелюбной климатической среде.

Поначалу отец Сергей жил в капсуле, приспособив её под временное жильё. В особенно невыносимые холода спал прямо в неудобном скафандре, согнувшись едва ли не в три погибели, охотился на брюхоногих речных "угрей" и "червей", чьё железное "мясо" нашёл даже по-своему вкусным, хотя поначалу с непривычки его какое-то время тошнило. Однажды, вернувшись после недельного похода вглубь материка, он обнаружил, что от его жилья не осталось ничего, кроме обуглившегося каркаса, бывшего до того корабельной капсулой, и чудом уцелевшего минимума кое-каких вещей, нетронутых пожаром. Жадный огонь уничтожил альфа-коммутатор, единственную, хотя и непостоянную, но связь с представителями рода человеческого. Впрочем, отец Сергей не очень печалился по сему поводу: значит, на всё воля Божья. И принял это испытание как должное.

Неподалёку от прежнего места проживания, поближе к океанскому побережью, он нашёл пещерку в скальной гряде, расширил её и потихоньку перетащил туда свои оставшиеся пожитки. Постепенно быт налачился, и первое Студёное Ненастье он вполне благополучно пережил, если не считать кое-каких неприятностей. Правда, накануне Долгой Весны его одолела-таки лихорадка, но и она отступила.

Отец Сергей, сильно ослабевший от изматывающей немочи, бросавшей то в жар, то в холод, встал с постели, когда дымчатые лучи утреннего, уже незимнего, солнца прокрались в его келью и осветили все её даже малоприметные уголки. Он вышел наружу: над сиреновой гладью просыпающегося океана с разбросанными то тут, то там островками льда вставало исполинское, яростно разгорающееся, светило, окаймлённое змеящимися протуберанцами. Белая, то испепеляющая, то замораживающая Кора, вокруг которой дрейфуют в полудрёме по своим орбитам двенадцать планет – газовых гигантов, каменистые, песчаные и ледяные шарики, россыпи астероидов и комет. На огнедышащем лике Коры, словно из ниоткуда, вдруг проявились четыре серпика лун Кэр-Дэвайи, невидимых ранее из-за плотной неподвижной облачности. Небо, почти очистившееся от облаков, заметно преобразилось, предвещая скорые и неожиданные перемены.

Заключительные аккорды стихающей капели. Лёгкий разноцветный дождик, пролившийся из странствующей тучки. Говорливые бегунки ручейков в тенистых оврагах. Хиленькая прозрачная растительность и пушистые шарики "плесневых цветов" на окрестных холмах и бугорках, где так приятно греться на солнцепёке. Восьмикрылые громадины-"стрекозы", треща и щёлкая, носятся над сонной, подёрнутой слизистой ряской, водой. В приречных кустах с клейкими игольчатыми листочками заворчал, заворчалось существо, отдалённо напоминающее "жабу". Вот и Пасха пришла на Кэр-Дэвайю.

После захода Коры, когда луны и звёзды заняли свои обычные места на резко, без смягчающих пастельных вечерних полутонов, потемневшем небосклоне, отец Сергей запел пасхальный тропарь: "Христос воскрес из мертвых, смертью смертью поправ и сущим во гробех живот даровав". В ночи чужого мира, где чужим было абсолютно всё, коленапреклонённый человек, малая живая

песчиночка в бесконечности, назло всем напастям и страхам молился и торжествовал: "О Пасха, великая и священная, Христе! О премудрость, Слово Божие и сила! Удостой нас совершеннее приобщаться Тебе в нескончаемый день Твоего Царства". И было ему хорошо и покойно.

Он был по-настоящему счастлив. Он пел и радовался вместе со всеми ликующими мирами Вселенского Ромейского Империиума. Звёздной Сверхновой Византии, давным-давно, века и века назад, покинувшей материнскую земную обитель ради того, чтобы сполна познать Красоту и Величие Творения Божьего. Отец Сергей видел всех, кто в эту самую великую из всех ночей литургическую ночь был в соборах, храмах, провинциальных, Богом забытых, церквушках либо походных молельнях. Где бы они ни были: в лебедином великолепии устремлённой ввысь, к бриллиантовому и сапфировому шитью созвездий, Святой Софии в Новом Цареградском Пределе, где вполне можно было бы разместить население средней колонии, в звёздофонском храме Святых Мучеников Фомальгаутских, в монастырях на медно звенящих равнинах Дикэ-Агриппины или в скромной, вмещающей максимум десяток человек, церквушке экспедиционного космолёта, направляющегося к ещё неоткрытым солнцам.

Вот статный и державный Базилевс Феодосий и его прелестная супруга Ирина в золотистом сиянии несчётных свечей. Владетели и Зодчие Империиума. Носители Высоких Венцов, Держатели и Хранители Небес и Тверди. Отроки Димитрий и Роман в форменных, цвета грозового неба, мундирах с нашивками Цареградской Академии Дальних Миссий и Колонизации, где им предстоит обучаться и практиковаться в течение нескольких лет в ещё необжитых мирах Скифских Пограничных Анклавов. Генеральные Стратеги и Воеводы Объединённых Ромейских Фаланг и Линий - кир Никифор, кир

Леонид, кир Хлодвиг и кир Винченцо. "Христос воскрес из мертвых...", - празднуют звёзды Воскресение Христа-Спасителя. "Воистину воскрес!", - слышится победный возглас Любви и Света, пронизывающий сверкающие жемчужины галактик, бережно и мудро нанизанные Создателем на могучие струны Вселенной. Как же чудесна и величественно прекрасна вечная музыка твоя, Боже! В ней, в её мажоре и миноре, в её радостях и печалях обретаемся все мы - Сверхновые Ромеи Империиума, мчащиеся на немыслимых сверхсветовых скоростях во времени и пространстве.

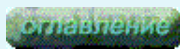
Слёзы обжигают щеки отца Сергея. Никто их не увидит, никто не отрёт. Разве что дэвайийские луны и немилостивые плети ветров расхохочутся над ними и переломят напополам отчаявшегося пришельца. Теперь он точно знает, что никогда не вернётся назад, к ромейским звёздам, откуда ещё вчера, из прошлой, будто не своей, жизни, прибыл сюда, на всеми забытую Кэр-Дэвайю. Он никогда больше не увидит юную улыбчивую Ирину, летящую по залитой пылающим цареградским солнцем кольцевой галерее Чертога Базилевсов, откуда открывается потрясающий вид на Великий Гелианский Океан. Никогда не услышит бубенчик её ещё детского, но уже тронутого взрослыми заботами, голоса: "Отче, благословите меня. Сегодня я улетаю на Тэйкхе Тэйдж'Э, чьи повелители решились принять покровительство и благословение Империиума. Пока мы направляем к ним группы начальной оценки и вероятностного прогнозирования. Я буду работать вместе с ними, невзирая на мой статус. Жаль, отче, что Вы не летите с нами. Тэйдж'Э - существа настолько удивительные, что непонятно, кто же они такие на самом деле. То ли утончённые поэты и артисты, коим ведома суть слов, созвучий и образов, то ли демоны-искусители, чья сущность прячет в себе неслыханную жестокость. Они лавируют между раем и адом. И непонятно, кто одержит верх. Этого, отче, страшусь... Есть ли ад? Каков он? А если миры Тэйкхе Тэйдж'Э станут нашим проклятием? Что, если мы ошибаемся и наши старания обернутся против нас же самих? Мы несём истину и

волю Империиума иным, подчас отличным от нас, разумным расам и престранным формам жизни, искренне веруя в Универсальное Совершенство. И при этом по-прежнему пребываем в плену соблазнов и искушений... Так кто же мы, отче? Бывшие ограниченные земляне, замкнутые на махонькой планетке с типично кислородной атмосферой или могущественная космическая раса, сумевшая добраться до сотен и сотен звёзд, одолеть в сражениях невиданных доселе недругов и обрести не менее необычных друзей?"

Но не сумел тогда отец Сергей мудро, подобрав нужные слова, ответить Ирине, ибо верного ответа не ведал. Лишь благословил её и проводил до астропорта, с которого в исчерченное синими молниями цареградское небо стартовал стреловидный, окутанный вуалью противоперегрузочных полей, корабль, оставивший после себя лишь раскалённый след и оглушающе-горячий воздух.

С Тэйдж'Э отцу Сергию, таки пришлось встретиться. Те действительно были существами своеобразными, склонными как к иррациональному созерцанию, так и вполне рациональным, даже жёстко-механическим, выводам. Люди их поражали своей открытостью, смелостью и дружелюбием. Они покоряли звёзды, хотя и не были божествами. Ещё у них была Вера, не вписывавшаяся ни в какие высокосложные физико-математические схемы. Тэйдж'Э рискнули исследовать её, но, к собственному прискорбию, потерпели поражение. Им пришлось вынужденно смириться с человеком, а также с Тем, Кто их таковыми делал – Страдающим, Скорбящим и Спасающим.

Помнится, будучи ещё ребёнком, маленький семилетний Сергей как-то спросил у отца, ксенопсихолога Дальней Миссии: "Есть ли Бог? Либо это всего-навсего некое абстрактное представление о Вселенной?". И отец повёл его через весь корабль на площадку внешнего обзора. Очутившись в её центре, Сергей зажмурился от страха и как можно крепче прижался к отцу: ему показалось, что они каким-то образом покинули безопасные пределы корабля и вот-

вот погибнут в вакууме. И тогда он заскулил, заплакал от бессилия и ужаса. Но отец лишь положил свои широкие ладони на его плечики и негромко, почти шёпотом, сказал: "Смотри, Серёжка! И ничего не бойся! Эй, смелее!". Сергей открыл глаза и ахнул от изумления.

Таких звёзд он ещё никогда не видел! Повсюду горели, сверкали, мерцали, словно переговариваясь между собой, мириады и мириады огоньков, блёсток, искорок и светлячков. Высоко над головой, под ногами, на расстоянии вытянутой руки - только протяни и звёздочка сама упадёт тебе в ладонь.

В отдалении пылала колоссальная газопылевая туманность, похожая на сказочное чудовище с широко распахнутыми крыльями. Бирюзовое и рубиновое солнца вставали над приближающейся поверхностью планеты цвета шафрана. Зрелище было настолько завораживающим, что Серёжке-Сергию тут же захотелось побывать на ней и непременно самому встретить, впитать в себя без остатка, этот незабываемый рассвет. "Это Вьюрулл, система двух горячих звёзд, сынок. Шай-Ойю, будь проклято их семя, называют их Йэ-джэу и Кхайти-Тта. Тут, на этой вот самой планетке, была их колония и экспериментальные синтез-лаборатории с лагерями военнопленных. Всё тут кровушкой нашей, человеческой, и слезами горькими обильно полито. Господи, души мученические упокой!", - дрогнувший голос отца, увы, прервал грёзы Серёжки-Сергия. Добрая сказка обернулась чем-то страдальчески жутким, с душком сгнившей, кишмя кишасей червями мертвечины. Выходит, что его сородичи страдали и умирали в муках, встречая и провожая бирюзовые и рубиновые восходы и закаты?

"Никто иной, как Бог сотворил всё то, что ты сейчас увидел. Звёзды и солнца, планеты и луны, туманности и галактики... Всю нашу Вселенную. И мы, люди, - его творение. Возможно, самое искусное.

Помни об этом, сынок. Безбожие - грех непростительный. Особенно для нас, людей. Вот так-то... Не забывай, Серёжка. Вера в Правду Божию, а не только звездолёты и гиперпространственные врата, ведёт нас к звёздам".

"Вера и Правда", - эти слова отца Серёжка-Сергий затвердил наизусть и после часто вспоминал их, где бы он ни был. Помнил и на Кэр-Дэваие, слава Христово Воскресенье.

И всё же он вернулся к рисунку, когда отчётливо увидел его. Был и незримый вестник, молвивший: "Ну, что же ты, Серёжка? Чего медлишь-то? Вставай, ну, вставай же, не опаздывай! Поспеши, поспеши, Серёжка...".

И тогда на безбрежно-белое алебастровое поле, куда легли чистые снега Земли, пролились солнечное смеющееся золото, янтарь, пурпур, померанцы, изумруды и лазурь. И взглянуло оно на нас, Сверхновых Ромеев Империиума, ясным тихим ликом того, кто, должно быть, уже прославлен и причтён к ликам вышним.

Отец Сергей устало взглянул на только что дописанный лик святого, имени коего он так и не узнал, и молитва сама слетела с его уст. Простые слова человека, просившего Создателя о мире, благе и скорой весне света.

***

- Моя госпожа, смотрите, что мы нашли. О, это... это потрясающе. Поверить не могу..., - чей-то голос, кажется Матфея, хронографа Миссии, вывел из полузабытья Ирину, супругу Базилевса Феодосия. Вот и свиделась она с отцом Сергием. Здесь, далеко-далеко, на Кэр-Дэваие под белым солнцем Кору.

Матфей услужливо передал Ирине небольшую икону. Она взглянула, и твердь иноземельная вздрогнула и куда-то поплыла.

- Госпожа, госпожа, Вам плохо? Моя госпожа...

На неё, седовласую и постаревшую, но всё ещё благородно красивую, смотрел Димитрий - её сын, принявший смерть мученика на Ххайтане, когда Шай-Ойю учинили там бойню, обратив в скорбный

молчащий пепел целую непокорную планету, освоенную и возделанную людьми. И ромей снова, как и встарь, встретили их и отбросили прочь, за пределы Империиума. Димитрий мучился почти сутки, медленно, капля за каплей, истекая кровью, но не издав ни единого стога, хотя Шай-Ойю, мастера изошрённых пыток, именно этого и ждали. Им было любопытно, когда же это тщедушное существо исторгнет вопль пощады и окончательно сломается. Обезображенное, лишённое одежды, тело Димитрия, распятое на оплавленном скелете изуродованного взрывом корабля, позже нашла спасательная команда. Она и доставила его в Чертог Базилевсов, где оно было погребено в усыпальнице Гелианов Ригельских рядом с его предками-ромеями - астронавигаторами-первопроходцами, полководцами, правителями Вселенского Ромейского Империиума - блистательного, яростного, неукротимого мира Веры и Правды.

- Да... отец Сергей был искусный иконописец. Не было ему равных на всех ромейских звёздах. Боже, но только как он узнал, откуда? Ведь Димитрий погиб вскоре после его кончины. Боже, Боже...

- Чудны дела твои, Господи! Отче Сергей, святой царственный новомученик Димитрий, молитесь Бога о нас, грешных, - взволнованно перекрестился Матфей. А Ирина, некогда смешливая любознательная девчонка, а ныне властная владычица Империиума, видела уже Других. Лики. Сотни и сотни ликов святых, написанные отцом Сергием, глядели на сверхновых ромеев, сошедших с небес на просыпающуюся весеннюю Кэр-Дэваию в воскресный день Пасхи Христовой.

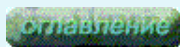
"Не забывай, Серёжка. Вера в Правду Божию, а не только звездолёты и гиперпространственные врата, ведёт нас к звёздам. Вера и Правда".

Помню, отче, слова твои.

Текст предоставлен журналом "Палантур"

Рекомендовать

[Оставить комментарий](#)

королевская дочь играла с новым знакомым, который по уровню развития больше походил на домашнее животное. Такое наивное, голубоглазое, волосатое. Лютиэн не пожалела для него свою коллекцию экспериментальных кремов («О, как раз опробую на ком-нибудь!»), и к закату то, что поначалу можно было принять за плод греха двух темных властелинов, стало почти похоже на плод их добродетели. (Шутка).

Тингол слушал эту историю, и от подробностей его бросало то в жар, то в холод. Неужели дочь решила опровергнуть мнение о том, что эльф не может сойти с ума? Нет, естественно, Тингол знал, что дочь его - не бестелесный дух, у неё есть и чувства, и эмоции самого разного плана. Но также он знал и то, что до трехсот лет она была нецелованной девой. Однако пассии, которые ей попадались с любезного одобрения отца (не мог же он допустить, чтобы дочь проводила время неизвестно с кем), были то слишком холодными, то слишком сентиментальными. Будь Тингол тогда помягче, может этого всего и не было бы. А теперь... Замужем за человеком! Издержки воспитания, не иначе.

А тем временем, сделав небольшую паузу и переведя дух, Тинувиэль продолжила рассказ. Приведя Берена в порядок (она так его называла, потому что «Берен» оказалось единственным словом, которое она смогла четко разобрать в его речи, остальное было похоже на нечленораздельное бормотание), Лютиэн решила, что после купаний и кремов («Поразительно, ожог оставили только три образца!»), неплохо бы заняться растительностью. Слово «бритва» было либо древним архаизмом, либо ультрамодным неологизмом в языке этого гражданина, поэтому процесс избавления от бороды был ему неведом. Однако на всякие попытки отрезать ему бороду и усы, она получала категорический отказ в форме недоброжелательного оскала. Но для дочери майи и

эльфа оскал не проблема: чарующая песня действовала на людей даже сильнее, чем на кого-то другого. Подрезав бороду так коротко, как ей удалось, Лютиэн решила, что неплохо было бы гладко выбрить ему лицо. Сбравшись с мыслями и идеями, проверив глубину сна сильным щипком, Тинувиэль достала проверенное средство с надписью «Воск» и начала его греть. Не вдаваясь в подробности проведенной экзекуции, Лютиэн заверила отца, что Берен преобразился кардинально. В тот день она оставила его в лесном домике, не выводя из транса, а сама отправилась домой в очень приподнятом настроении.

Довольно долго они тайно встречались. Поначалу это были невинные встречи: Берен и Лютиэн подолгу гуляли лесами, она водила его по окрестностям и на собственном примере показывала, какие ягоды съедобные, а какие нет. То ли экземпляр попался способный, то ли чувства творят волшебство, но вскорости Берен освоил азы Синдарина, и они смогли более плодотворно общаться. Тинувиэль никогда не упоминала о своем происхождении, а друг её и не спрашивал о нем. Однако дружба их перешла на новый уровень в тот самый день, когда после утомительной прогулки Лютиэн поднялась в лесной домик и уснула. Когда она очнулась, была глубокая ночь, да и не хотелось ей куда-то уходить. Она попросила Берена погреть ноги и .... Сложно описать словами чувства эльфа, а особенно сложно описать чувства в такой щекотливой ситуации. Это было ни с чем не сравнимо, не было похоже ни на что прежнее. Страсть, не тронутая цивилизацией... (говорить о цивилизации первобытно-общинного строя в присутствии эльфа в принципе глупо). Всё было предельно естественно и предельно свободно. Никаких условностей. Как остается загадкой, почему в порядочных семьях вырастают маньяки-рецидивисты, точно также не понятно, почему утонченным девочкам нравятся плохие мальчики.

Тинувиэль остановила рассказ и посмотрела на отца. Тингол всем своим видом выражал одно большое «Какого...?» Однако он и сам был не промах.

Влюбиться в майю – это мощно. Но она ж, как ни крути, прекраснейшая из творений Единого, сопричастная Стихиям. А тут кто, человек?! Что же толкнуло его дитя на столь сомнительный брак? Ему в голову приходили самые безумные и фантастические идеи, но он и предположить не мог, что правда окажется столь обыденной. Он попросил продолжить рассказ, но поближе к дню помолвки и без лишних подробностей.

Начались неприятности с небезызвестного Даэрона. Этот поэт, как он сам любил себя называть, посватался к ней с предложением руки и сердца. Всё это было бы чрезвычайно лестно, если бы не было столь регулярно. Ведь буквально за неделю до этого Лютиэн отшила чьего-то сыночка из Гондолина, и ещё за месяц – двух близнецов из знатного рода Нарготронда (видимо, они думали, что так их шансы удвоятся). Утомленной высокопарными, но однообразными речами, ей захотелось проверить очередного претендента, так сказать «на вшивость».

Тинувиэль хотелось, чтоб муж радовал не только слух своими речами, но и ум своими мыслями, да и вообще... Если первое у Даэрона имелось в избытке (рифмовал он что попало), то с умом возникли некоторые трудности. Широтой взглядов поэт не отличался. Но, решив, что библиотека матери достаточно большая, чтобы заняться его воспитанием в следующую тысячу лет, Лютиэн решила перейти сразу к последнему пункту проверки. Наступление она начала с легкого флирта, потом с тяжелого, потом применила запрещенные приёмы, но тоже безрезультатно: Даэрон под сенью ясеня продолжал вещать стихами даже рядом с полуобнаженной Лютиэн (не поведет же она его к дубу: там неподалеку Берен живет!). Пойдя в решительную дискуссионную атаку, Тинувиэль быстро поняла, какой промах совершила: Даэрон был напрочь невинным, и, судя по всему, вряд ли собирался расставаться с этим статусом даже после свадьбы.

Тогда-то и родилась эта безумная идея обручиться с Береном. Лютиэн прекрасно понимала, что король не позволит ей выйти за него замуж и придумает какой-нибудь дипломатический ход, но, по крайней мере до окончательного разбора полётов, она могла не скрывать своего воспитанника в лесу. А, по правде сказать, там было что показать. Кремы Тинувиэль произвели просто колоссальный эффект («Пятый образец надо будет выпускать серийно: у людей спрос будет бешеный»). Аккуратно постриженный, выбритый и вымытый Берен в чистой одежде вполне мог сойти за эльфа не очень знатного происхождения. Правда, до тех пор, пока он не открывал рот и не начинал говорить. Абстрагируясь от содержания, Синдарин Берена был грамматически вполне приемлем. Сам он и впрямь стал симпатичным. А с учетом рассказа о том, что было «до», Тинувиэль прослыла величайшим алхимиком. Или косметологом,

что в то время было одно и то же.

Король же увидел в Берене воплощение народной мудрости «Сила есть – ума не надо». Как и предполагала дочь, он дал ему задание, от которого нельзя было отказаться: достать Сильмарилл из короны Моргота. А так как ни об одном, ни о другом Берен не знал решительно ничего, он с радостью согласился. Когда решение короля стало известно Лютиэн, она страшно вспыхнула. Настаивая на том, что мы в ответе за тех, кого приручили, Тинувиэль пошла вместе с ним в Ангбад, чтобы не дать убить Берена без боя. И вообще она слишком много сил и косметики на него потратила. По дороге к ним привязалась какая-то дворняга и втроем они направились к Темному Властелину. В последний момент возникла гениальная идея обменять собачку на Сильмарилл, хотя Хуану это и не понравилось (да кто его слушал, с такой-то кличкой). Придя к Моргорту, Лютиэн начала рекламировать собаку и её разговорно-певческие навыки с таким вдохновением, что Враг готов был выставить пса на «Белевровидение» от Ангбада. Тогда принцесса начала сама петь колыбельную: «Не ложися на краю, придет серенький волчок и укусит за бочок, но если отдашь Сильмарилл, то Хуан прогонит волка». Моргот заснул, а Берен принялся выковыривать драгоценность из короны. Неполное образование и полное отсутствие логики в поступках проявились здесь во всей красе: вместо того, чтобы забрать корону целиком, Берен разворотил её. И вот это убожество, с точащими острыми краями металла, он надел обратно на голову Морготу, мол «так и было». Почувствовав на голове некое подобие тернового венца, Враг начал потихоньку приходить в себя, а гости тем временем быстро-быстро «сделали ноги». Когда до Врага дошло, что с собакой его кинули, и сладкую песню пела не собачка, а Лютиэн, было поздно: ни собаки, ни камня. Одна корона на голове, и та больше похожа на банку из-под тушёнки, вскрытую тупым консервным ножом.

Тем временем трио мчалось домой со всех ног и хохотало над тем, как удалось перехитрить Моргота. Только на подходе к Дориату Тинувиэль поняла,

что теперь свадьба таки состоится. От этой мысли ей стало плохо, и они сделали привал. Когда утомленный Берен уснул, Лютиэн мастерски провела ампутацию конечности с зажатым в ней камнем и спрятала Сильмарилл. Когда жених очнулся, Тинувиэль, невинно моргая глазками, объяснила, что он лежал на краю, пришел серенький волк Кархарот и откусил руку вместе с камнем. Она пробовала его отогнать, но не смогла. Берен лишь тяжело вздохнул, и они отправились к Тинголу. (Кто же знал, что Кархарот найдёт закопанное в кустах и съест, не глядя).

Надеясь на непреклонность отца, Лютиэн подтвердила рассказ об Ангбаде и Кархароте, который отхватил руку с камнем, но, к несчастью для самой принцессы, король поверил в то, что Сильмарилл был, даже без улики. Удивлению Тинувиэль не было предела. С горя она выпила лишнего и не заметила, как попала на собственную свадьбу.

- Остальное ты знаешь, папа, - грустно закончила Лютиэн.

- Да, доченька... Ну, ничего, поживешь с Береном до его смерти, а там всё наладится.

- Пап, о чем ты говоришь?! Как же я после...? Моя репутация будет уничтожена.

- Ты думаешь после вчерашней пирушки правомочно говорить о твоей репутации? – поинтересовался Тингол.

- Прости, папа, ты прав. Что же мне делать? С таким раскладом мне заказан вход в любую приличную семью, даже несмотря на то, что я твоя дочь. Ты же знаешь наши эльфийские обычаи. Заключение брак с человеком, пусть даже на 50 лет! От этого не отмыться!

Тинувиэль разрыдалась и бросилась отцу на грудь. «Эх, пусть непутевое, но всё равно своё дитё», - подумал он. Как ни крути, а не помочь дочери Тингол не мог. Решив не посвящать посторонних в дела семейные, он позвал супругу, и вместе с Мелиан они начали разрабатывать план. Предварительно король очень коротко ввел жену в курс дела, хотя в том не было необходимости: майя была и так всеведущей. После долгих раздумий и пререканий был изобретен достойный выход из положения. Изначально, чтобы никому не мозолить глаза, Лютиэн должна уехать с Береном подальше от дворца, например, на остров Тол-Гален. Там тихо, безлюдно-безэльфно, и можно будет пожить в своё удовольствие.

- Доченька, только ты учти: то, что тебе так нравится в Берене, у людей длится лет десять – пятнадцать максимум. Так что не обольщайся, – напутствовала Мелиан.

Далее Тингол попросил Лютиэн оставить кулон, который он подарил ей на столетие.

- Пап, но ведь это мой любимый кулон! Я на всех парадных портретах с ним!

- Тем лучше, милая. Мы скажем, что это символ бессмертия, которое ты отдала ради жизни с Береном.

- Что за бред?! Мама, папа что-то курил?! – возмутилась Тинувиэль.

- Нет, дорогая, – засмеялась майя. – Ты просто не можешь предвидеть будущее, как я. Всем известно, что бессмертие эльфов есть часть их природы, но фанаты Толкина израсходуют не одну пачку салфеток, рыдая над тем, как Арвен отдаёт свой кулон и своё бессмертие Арагорну. Конечно, даже сила Стихий не сможет создать такой же PR Лютиэн, какой Питер Джексон обеспечил Арвен, но кое-что предпринять можно... Есть на примете один поэт, Даэрон, вот он и напишет поэму о том, как ты отдала своё бессмертие ради человека.

Однако Тинувиэль и эта идея не понравилась. Мало того, что она за человека вышла, так она ещё и от бессмертия отказалась?! От неё же шарахаться будут, как от умалишенной. И где гарантия, что Даэрон пойдет на это сомнительное дело, после того, как вчера состоялось его непозволительно близкое знакомство с хрустальной салатницей?

- На этот счет я предусмотрел всё, - сказал Тингол, хитро прищурившись. – Либо он будет грустно петь о твоей горькой смертной судьбе, либо все остальные будут весело петь о том, как его обставил Берен!

Тинувиэль наконец-то улыбнулась.

- Я знал, что тебе понравится. Итак, с легендой проблем не будет. Потом мы тебя тайно, повторяю ТАЙНО, переправим в Мандос, где ты будешь отсиживаться после смерти мужа.

- Чего? Этого ещё не хватало. В мертвятник меня запереть решили?

- Да не кипятись ты, Тин! – успокаивала дочь Мелиан. - Мандос мой хороший знакомый, он мне ещё ковер три на четыре должен из своих чертогов. Проиграл в преферанс. Так что я ему скажу, чтобы выделил тебе отдельные апартаменты. Там по обстановке посмотришь: может, сможешь и к Лориену заходить, на прогулку, но опять же – чтоб никто не знал. Это и так против правил, не хочу Намо подставлять. А потом, когда всё уляжется, когда останется только предание о тебе, о твоей горькой смертной участи, либо в то же тело вернешься (оно у

Ирмо полежит) либо в новой инкарнации воплотишься. Это у людей с документами на новую личность всё просто. А нам, бессмертным, тяжело приходится.

- Не знаю... но это самый абсурдный и самый гениальный план, который я когда-либо слышала. Ладно... Пойду я вещи паковать, что ли.

- Нет, ну надо же... какая у тебя странная судьба получается... - вздохнула Мелиан.

- Не переживай, мамуля, я не пропаду. Я же твоя дочь, вся в тебя!

- Вот этого, милая, я и боюсь...

Рекомендовать
[Оставить комментарий](#)

